Влад Генделев

Яйцо всмятку

Влад Генделев

ЯЙЦО ВСМЯТКУ

«Автор»
2026

Генделев В.

ЯЙЦО ВСМЯТКУ / В. Генделев — «Автор», 2026

Геннадий Плющ развозит мебель и однажды находит в фургоне чужой пакет. Внутри — яйцо Фаберже. Стоит ему выложить фото находки, как объявляются сразу два «владельца».Пока две банды охотятся за яйцом, а двое полицейских пытаются раскрыть дело раньше начальства, обычного водителя принимают за гениального преступника по прозвищу Мебельщик. Геннадий хочет вернуть находку и выйти на работу. У его попугая Петровича вопрос поважнее: «Предоплата где?»

© Генделев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. «НЕ ПО ПЛАНУ» 5
ГЛАВА I. ЧУЖОЙ ПАКЕТ 13
ГЛАВА II. ОБЪЯСНИТЕ, КАК ОТКРЫВАЕТСЯ 25
ГЛАВА III. ОЧЕНЬ ПЕРСПЕКТИВНОЕ ДЕЛО 42
ГЛАВА IV. ДЕНЬГИ НА АСФАЛЬТЕ 59
ГЛАВА V. РАЗГОВОР О МЕБЕЛИ 75
ГЛАВА VI. ПО УЧЕБНИКУ 93
ГЛАВА VII. ВТОРОЙ СОБСТВЕННИК 107
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Влад Генделев
ЯЙЦО ВСМЯТКУ

ПРОЛОГ. «НЕ ПО ПЛАНУ»

Когда в соседней комнате закричала женщина, Савелий Рябец держал на коленях коробку с пирожными.

Он посмотрел на закрытую дверь, затем на коробку. На белом картоне расползалось тёмное пятно: по дороге Савелий слишком резко затормозил, и одно из пирожных перевернулось. Теперь крем медленно просачивался через неплотно закрытый угол.

За дверью что-то упало. Женщина вскрикнула ещё раз, уже короче, сердито.

Савелий прижал крышку ладонью.

Ему сказали, что работа будет тихая.

Это слово он запомнил особенно хорошо, потому что Роман Шершень произнёс его дважды. Тихая работа. Приехать к служебному входу, подождать, забрать пакет, отвезти по адресу. Не выходить из машины без необходимости, не разговаривать с охраной, не включать музыку. За всё — столько, сколько Савелий обычно получал за месяц, если месяц удавался.

Коробка с пирожными в первоначальном разговоре не упоминалась. Её выдали уже здесь, у ворот, вместе с белым фартуком.

Фартук оказался коротким и пах крахмалом. Савелий повязал его поверх кожаной куртки и спросил, не будет ли это выглядеть подозрительно.

Человек, выдававший коробку, посмотрел на него так, будто подозрительным было само существование Савелия.

— Ты водитель. У водителя может быть куртка.

С этим Савелий спорить не стал.

Теперь он сидел на узком стуле в служебном коридоре и жалел, что вообще вышел из машины.

Дом принадлежал человеку, фамилию которого ему не назвали. Большой, старый, с высокими окнами, с пристройкой, где пахло горячим хлебом и дорогим кофе. На фасаде горели фонари, у парадного входа стояли машины, рядом с которыми собственная серая легковушка Савелия казалась плохо упакованной запчастью.

В доме показывали что-то ценное. Савелий понял это по количеству охраны и по тому, как официанты держали спины. Когда люди несли тарелки с едой так, словно могли уронить государственную тайну, обычным юбилеем дело, как правило, не ограничивалось.

Пакет должен был вынести человек в тёмном костюме.

Вместо него из боковой двери появилась женщина с большой рабочей сумкой.

Она не бежала, но двигалась с той сосредоточенной поспешностью, с какой идут люди, у которых на плите забыта сковорода. Волосы выбились из низкого узла. На рукаве серого жакета белело пятно, похожее на пыль.

Увидев Савелия, она остановилась.

— Почему вы здесь?

— Меня посадили.

Женщина посмотрела на коробку.

— Кто?

— Мужчина. С наушником. Сказал, пока не позовут, сидеть.

Из соседней комнаты донёсся тяжёлый мужской голос. Слов Савелий не разобрал, но женщина повернула голову так быстро, что он невольно приподнялся.

— Вам лучше вернуться к машине, — сказала она.

— Мне пакет должны передать.

Она посмотрела на него внимательнее.

Всего секунду назад он был для неё случайным водителем с пирожными. Теперь что-то изменилось. Женщина перехватила ручки сумки обеими руками, и Савелий заметил, как побелели костяшки её пальцев.

— Кто вам это сказал?

— Если вы не по этому вопросу, я не могу обсуждать.

Фраза была заготовлена заранее. Савелий немного ею гордился: звучала она почти как отказ в банке.

Женщина гордости не оценила.

— Уезжайте, — произнесла она тише. — Сейчас.

Дверь в конце коридора распахнулась.

Мужчина в тёмном костюме появился именно оттуда, откуда его ждали. Правда, теперь костюм сидел на нём иначе: пиджак был расстёгнут, ворот рубашки оттянут, а на щеке темнела свежая ссадина.

Он увидел женщину и резко остановился.

— Ты чего здесь?

— Вадим, ты должен был дождаться.

— Уже дождался.

Мужчина перевёл взгляд на Савелия.

— Рябец?

Савелий встал. Коробка покачнулась у него на коленях, и он едва успел её поймать.

— Мне сказали пакет…

— Держи.

Пакет оказался обыкновенным, из плотного серого пластика, без рисунка. Мужчина сунул его Савелию в свободную руку.

Из-за приоткрытой двери донеслось:

— Вадим? Куда ты пошёл?

Мужчина обернулся.

Всего на мгновение Савелий увидел за его плечом освещённую комнату, край ковра, перевёрнутый стул и человека, сидевшего на полу у стены. Тот держался за руку. Рядом стояла женщина в длинном зелёном платье.

Потом дверь закрылась.

— На выход, — сказал Вадим.

— А это куда?

Савелий приподнял коробку с пирожными.

Вадим посмотрел на неё с ненавистью, которой коробка ничем не заслужила.

— С собой.

Женщина шагнула к нему.

— Ты оставил витрину пустой?

— Не сейчас, Тася.

— Они увидят сразу.

— Уже увидели.

Она побледнела.

Савелий невольно посмотрел на её сумку. Из-под неплотно сведённой молнии выступал угол тёмного футляра.

— Ты должен был дать мне минуту, — сказала женщина.

— Мне охранник дал меньше.

Вадим взял Савелия за локоть и повёл к выходу.

Коробка мешала. Пакет оттягивал другую руку. Савелий хотел спросить, нужно ли ждать женщину, но мужчина сжал его локоть так, что вопрос исчез.

За спиной раздалось:

— Вадим, послушай меня. Теперь всё будет иначе.

Тот не ответил.

В служебном тамбуре стоял молодой охранник. Он только что оторвался от телефона и ещё улыбался чему-то на экране.

— Уже уезжаете?

— На следующем адресе ждут, — сказал Вадим.

— А пропуск?

Савелий полез бы в карман, но обе руки были заняты. Вадим приложил карточку к считывателю сам.

Замок щёлкнул.

Снаружи пахнуло дождём, мокрым гравием и нагретой проводкой.

— Поехал, — сказал Вадим.

— Вы со мной?

— Я сказал, поехал.

Он открыл водительскую дверь, хотя Савелий ещё не дошёл до машины.

У служебного входа появился охранник постарше. За ним — женщина в зелёном платье.

— Подождите! — крикнула она.

Вадим захлопнул дверь перед самым лицом Савелия.

Пришлось открывать заново.

Савелий кое-как пристроил коробку на пассажирском сиденье, пакет бросил на неё сверху и сел за руль. Фартук попал между спиной и сиденьем. Он дёрнул завязку, не смог освободить и оставил как было.

Служебный двор был тесным. Чтобы выехать, требовалось сдать назад, объехать тележку с ящиками и попасть в узкие ворота.

Обычно Савелий справлялся с такими задачами без затруднений.

Но обычно за ним никто не кричал.

Он слишком резко вывернул руль. Заднее колесо наехало на край клумбы. Машина качнулась, коробка с пирожными сползла, пакет съехал в пространство для ног.

За задним стеклом Вадим поднял обе руки.

Савелий не понял, что означал жест: остановиться или ехать быстрее.

На всякий случай выбрал второе.

Тележка осталась справа, ворота — слева, и несколько неприятных секунд казалось, что машина вообще никуда не поместится. Потом зеркало задело мокрую ветку, колёса стукнули о водоотводный желоб, и перед Савелием открылась улица.

Он проехал до первого поворота, повернул, потом ещё раз и только тогда выдохнул.

Из-за поворота не выскочила погоня.

Сирена не завыла.

Никто не стрелял.

Возможно, работа всё ещё считалась тихой.

Телефон зазвонил, когда он останавливался у светофора.

На экране было написано: «Роман».

Савелий включил громкую связь.

— Забрал?

— Забрал. Только там какая-то суета…

— Пакет у тебя?

— На полу лежит.

— Подними.

Савелий наклонился, удерживая руль одной рукой.

— Потом поднимешь! — рявкнул Шершень. — Сначала едь нормально.

Загорелся зелёный. Сзади посигналили.

Савелий выпрямился.

— Мне на Южную?

— Нет. Адрес меняется.

Он почувствовал, как под фартуком неприятно похолодела спина.

В его опыте изменение адреса редко предвещало прибавку к оплате.

— А Вадим сказал…

— Вадим тебе уже всё передал. Дальше слушаешь меня.

Шершень назвал складской проезд на другой стороне города.

— И ещё. Если кто-нибудь будет звонить насчёт пакета — не отвечай. Даже если представится от меня. Только этот номер.

— А кто может звонить?

— Вот когда позвонят, тогда и узнаешь.

Связь оборвалась.

Савелий проехал перекрёсток и перестроился к правому краю.

Пакет на полу тихо стукнул о пластиковую обшивку.

Он покосился на него.

Пирожные вывалились из коробки. Одно лежало вверх дном на резиновом коврике; другое удержалось в картонном гнезде и смотрелось так, словно всё ещё надеялось попасть на приличный стол.

Савелий вдруг очень захотел остановиться, выйти, снять фартук и вернуться к той части жизни, где главной неприятностью был неоплаченный ремонт коробки передач.

Телефон зазвонил снова.

Номер был незнакомый.

Он дал звонку закончиться.

Через несколько секунд пришло сообщение.

«Вы забрали не ту вещь. Не открывайте футляр. Таисия».

Савелий перечитал.

Слово «футляр» ему не понравилось. Оно почему-то делало содержимое пакета дороже.

Следом появилось второе сообщение:

«Передайте телефон Вадиму».

Он набрал ответ одним пальцем, пока стоял на следующем светофоре:

«Его нет».

Ответ пришёл сразу:

«Куда вы едете?»

Савелий погасил экран.

На обочине впереди мигнули синие огни.

Он отпустил педаль газа.

Всего лишь патрульный автомобиль. Остановили белый кроссовер. Возле него мужчина в пуховике что-то объяснял инспектору, показывая обеими руками на дорожный знак.

К Савелию никто не повернулся.

Он проехал мимо и только через полквартала заметил, что сжимает руль до боли в пальцах.

С полицией у него оставался нерешённый вопрос.

Точнее, вопрос был решён без его участия, а он об этом узнал слишком поздно.

Несколько месяцев назад Савелий перегнал чужую машину из одного гаража в другой. За обычные деньги, по просьбе знакомого, без всяких пакетов и пирожных. Потом выяснилось, что хозяин не разрешал никому никуда её перегонять. Знакомый исчез. Савелия вызвали дать объяснения, потом вызвали ещё раз. На второй вызов он не пришёл: Шершень сказал, что его юрист всё уладит.

Юрист долго ничего не улаживал, а затем перестал брать трубку.

На прошлой неделе Савелий получил уведомление, прочитал первые строчки и решил показать его Шершню при встрече.

Встреча состоялась сегодня.

Про уведомление он так и не вспомнил.

Савелий потёр ладонью лицо.

Нужно было довезти пакет. Получить деньги. Потом разобраться с машиной. В нормальном порядке, по одному делу за раз.

Слева потянулась ограда городского парка. За мокрыми стволами желтели фонари. На остановке женщина пыталась закрыть зонт; ветер выворачивал ткань, и женщина ругалась на него так, словно зонт делал это намеренно.

Обычный вечер.

Самый обыкновенный вечер, если не считать того, что у Савелия в машине лежала чужая вещь, за которую кто-то готов был заплатить его месячный заработок.

Увидев впереди небольшую парковку у закрытого цветочного павильона, он свернул туда.

Машина остановилась под рекламой букетов.

Савелий заглушил двигатель.

Несколько секунд сидел неподвижно, слушая, как дождь щёлкает по крыше.

Потом снял фартук.

Это сразу немного помогло.

Он бросил его на заднее сиденье, поднял пакет и поставил на колени. Внутри действительно был футляр: вытянутый, тяжёлый, обтянутый потёртой тёмной кожей. На боках виднелись царапины. У замка поблёскивал небольшой металлический язычок.

Никаких проводов.

Никакого запаха.

Савелий осторожно повернул футляр.

На нижней стороне оказалась бумажная наклейка. Её почти всю содрали; уцелели только две цифры и уголок красной линии.

Он провёл большим пальцем по замку.

Не открывать, написала женщина.

Шершень тоже не велел заглядывать, хотя прямо этого не сказал.

Но если внутри действительно лежало то, что нужно было просто перевезти, почему все так нервничали?

Савелий положил футляр на соседнее сиденье.

Телефон ожил в его руке.

Снова незнакомый номер. Другой.

Он смотрел на экран, пока звонок не прекратился.

Следом позвонил Шершень.

— Ты чего встал?

Савелий медленно поднял глаза.

Впереди, за мокрым лобовым стеклом, отражалась вывеска цветочного павильона.

— На светофоре.

— Светофор у тебя на клумбе растёт? Я машину вижу.

Савелий повернулся.

На противоположной стороне улицы стоял эвакуатор Шершня. В кабине кто-то держал телефон у лица.

— Я фартук снимал.

— Снял?

— Уже снял.

— Тогда поехал.

Савелий потянулся к ключу.

— Роман, а что там такое?

В трубке наступила тишина.

Он понял, что зря спросил.

— Твоя работа — довезти, — сказал Шершень. — Моя — думать, что там. Не будем друг другу мешать.

— Я просто из-за веса. Если хрупкое…

— Хрупкое. Поэтому держи при себе.

Связь прервалась.

На этот раз Савелий не убрал телефон. Он положил его на приборную панель и некоторое время смотрел на тёмный экран.

Эвакуатор на той стороне улицы включил фары.

Савелий завёл машину.

С парковки он выехал слишком осторожно, пропустив даже далёкий автобус. Эвакуатор не последовал за ним: у его водителя, очевидно, были другие дела. Это должно было успокоить.

Не успокоило.

Теперь Савелий знал, что за ним могут наблюдать.

Он ехал, не меняя ряда, притормаживая перед каждой лужей. У светофора остановился так плавно, что сзади снова посигналили.

Телефон завибрировал на панели.

В этот раз Савелий узнал имя.

Эдуард Валерьевич.

Он видел Лоска дважды. Оба раза тот был безупречно одет, разговаривал негромко и называл людей по имени-отчеству, даже если через несколько минут этим людям становилось очень плохо.

Шершень велел не отвечать.

Но Шершень мог потом сказать: почему не ответил Эдуарду Валерьевичу? Разве непонятно, что он свой?

Савелий подождал ещё два сигнала и нажал кнопку.

— Савелий, добрый вечер.

Голос звучал так, словно речь шла о встрече в ресторане.

— Добрый.

— Вы сейчас в машине?

— Да.

— И вещь при вас?

Савелий посмотрел на футляр.

— Мне велели ехать по адресу.

— Я знаю. Назовите его.

— Роман сказал…

— Роман выполняет моё поручение.

За лобовым стеклом загорелся зелёный. Савелий тронулся.

— Тогда вы у него спросите. Я за рулём, мне неудобно.

Эту фразу он произнёс с неожиданной для самого себя твёрдостью.

Лоск некоторое время молчал.

— Вы понимаете, что везёте?

Савелий облизнул губы.

— Хрупкое.

На другом конце линии тихо выдохнули.

— Остановитесь в людном месте. Около заправки, например. Я пришлю человека, он заберёт футляр. Вы получите свои деньги.

— Мне их Роман обещал.

— Я заплачу больше.

Савелий приподнял ногу над педалью газа.

Это было уже совсем плохо.

Когда два человека начинали предлагать деньги за одно и то же поручение, платили обычно не тому, кто выполнял его последним.

— Я вам перезвоню, — сказал он.

— Савелий, не выключайте…

Он нажал отбой.

Почти сразу позвонил Шершень.

Савелий ответил.

— Лоск звонил? — спросил тот.

— Да.

— Что сказал?

— Остановиться.

— А я что сказал?

Савелий молчал.

— До склада едешь без остановок. Если ещё позвонит, не отвечай.

— Роман, я не хочу между вами…

— А тебя никто между нами и не ставит.

Шершень сказал это очень спокойно.

Савелий почему-то перестал верить, что получит обещанные деньги.

— Слушай внимательно, — продолжил Шершень. — Эдуард сейчас нервничает. Ему уже пообещали восемнадцать миллионов за эту штуку, и он решил, что я должен работать за спасибо.

Савелий посмотрел на футляр.

— Восемнадцать миллионов?

— Ты за дорогой следи.

— Рублей?

Пауза в трубке оказалась короткой, но вполне достаточной.

— Савелий, у тебя есть своя сумма. Вот о ней и думай.

Звонок закончился.

Машина перед Савелием остановилась. Он затормозил почти у её бампера.

Сзади кто-то сердито нажал на клаксон.

Савелий не отреагировал.

Он смотрел на потёртую кожу, на маленький металлический замок, на картонную коробку с расползшимся кремом.

Восемнадцать миллионов.

Не рублей.

В голове у него не возникло никаких красивых картин. Ни дома у моря, ни новых машин, ни жизни, в которой можно не брать трубку, когда звонит Шершень. Он только вдруг отчёт-

ливо представил комнату за дверью: перевёрнутый стул, человека на полу, женщину в зелёном платье.

И Таисию с большой сумкой.

«Теперь всё будет иначе».

Савелий потянулся к футляру, но передумал.

Нужно было отдать его.

Как можно скорее.

Шершню, Лоску — кому угодно из них. Только обязательно при людях. Получить свои деньги, а если не дадут, то хотя бы уехать.

На следующем перекрёстке поток разделялся. Прямо дорога шла к складам, направо — к набережной и заправке.

Савелий включил правый поворот.

Потом выключил.

Позади стоял чёрный внедорожник. Он остановился слишком близко. В зеркале отражалось широкое лобовое стекло, за которым ничего не было видно.

Может быть, обычная машина.

В этом городе чёрных внедорожников было больше, чем исправных водостоков.

Но Савелий уже не мог убедить себя в том, что хоть что-нибудь вокруг происходит просто так.

Светофор сменился.

Он поехал прямо.

Внедорожник остался на месте, пропуская пешеходов, и свернул направо.

Савелий выдохнул так резко, что заболело под рёбрами.

Через два квартала дорога сузилась из-за ремонта. Машины потянулись в один ряд. Впереди мигал жёлтый маячок, пахло мокрым асфальтом. Рабочий в оранжевой куртке неторопливо переносил ограждение, совершенно не интересуясь тем, что у Савелия на соседнем сиденье лежит восемнадцать миллионов.

Рядом с ограждением стояли два полицейских автомобиля.

Савелий заметил их не сразу.

Сначала увидел белый фургон, остановившийся у обочины. Его задние двери были распахнуты. Из кузова торчал угол обёрнутой картоном мебели. Возле фургона мужчина в тёмной рабочей куртке показывал полицейскому какие-то бумаги.

Чуть дальше проверяли легковушку.

Ещё один сотрудник стоял у края проезжей части и жестом отправлял машины вперёд.

Савелий посмотрел в зеркало.

За ним вплотную подкатил автобус.

Слева тянулись ограждения.

Справа был бордюр.

Развернуться не получалось.

Он медленно отпустил тормоз.

Пакет на соседнем сиденье шуршал на каждом стыке асфальта.

Сотрудник у дороги взглянул на его машину, затем на номер.

Савелию показалось, что взгляд задержался.

Телефон коротко завибрировал.

Сообщение от Шершня.

«Если остановят — пакета при тебе быть не должно».

Савелий поднял голову.

Полицейский уже смотрел прямо на него.

Потом поднял жезл и указал на свободное место за мебельным фургоном.

ГЛАВА I. ЧУЖОЙ ПАКЕТ

Чужая вещь становится твоей проблемой раньше, чем ты успеваешь узнать, кому она принадлежит.

К концу рабочего дня Геннадий Плющ знал о семье Князевых больше, чем хотел бы знать человек, доставивший им комод.

Муж считал, что комод нужно поставить у окна. Жена говорила, что у окна он перекроет батарею. Тёща утверждала, что батареи в этом доме всё равно не греют, и предлагала сначала переставить диван. Геннадий держал комод за нижний край и старался не участвовать в обсуждении: стоило ему согласиться с кем-нибудь одним, как двое остальных немедленно обращались к нему за объяснениями.

В конце концов комод поставили туда, откуда его начали переносить сорок минут назад.

— Вот теперь хорошо, — сказала хозяйка.

Геннадий осторожно разогнул пальцы.

— Тогда здесь и оставляем. Только к стене придвинем, когда крепление поставлю.

— А крепление обязательно?

Он посмотрел на четырёхлетнего мальчика, который всё это время наблюдал за работой из-за дивана. Мальчик держал в одной руке игрушечный экскаватор, а другой уже тянулся к ручке верхнего ящика.

— В вашем случае особенно.

За креплением пришлось возвращаться в фургон. Потом выяснилось, что хозяин просил заодно повесить зеркало, хотя в заказе зеркало не значилось. Потом потеряли пакет с ручками. Пакет обнаружился в сумке хозяйки: она убрала его, чтобы не потерялся.

Когда Геннадий наконец вышел из подъезда, дождь уже пропитал картон, оставленный у машины, а телефон показывал четыре пропущенных звонка от диспетчера.

Он перезвонил, прижимая плечом раскрытую заднюю дверь.

— Лидия Павловна, я всё закончил. Сейчас подпись получу и поеду.

— Ты ещё там? Они полчаса назад позвонили и сказали, что у них всё прекрасно.

— У них прекрасно. Я пока работаю.

— Только не начинай. Константин Сергеевич спрашивает, где машина.

— Здесь машина. Со мной.

— Ему такой ответ не понравится.

Геннадий поднял с асфальта длинную картонную полосу. С неё потекло на ботинки.

— А какой понравится? Я могу сказать, что на базе. Но тогда вечером будет неприятный сюрприз.

Лидия Павловна вздохнула. На заднем плане кто-то громко требовал найти накладную за прошлый вторник.

— Сегодня фургон у тебя остаётся, завтра с утра на склад. Только упаковку выброс, не вози опять неделю. И документы в кабине не оставляй.

— Я их и так не оставляю.

— В прошлый раз оставил.

— В прошлый раз это были рекламные буклеты.

— Константин Сергеевич считает иначе.

Спорить с тем, что считал владелец мебельного магазина, было бессмысленно. Человек мог принять рекламный буклет за документ, но ни разу не перепутал сумму в свою пользу с суммой в чужую.

Геннадий сложил мокрый картон в кузов, прижал его двумя сухими листами от упаковки и закрыл одну створку. Вторая не захотела вставать на место: между дверью и порогом торчал конец крепёжного ремня.

Он убрал ремень, захлопнул дверь и ещё раз подёргал ручку.

Телефон завибрировал уже в кармане.

Дочь прислала фотографию кроссовок.

Следом появилось сообщение:

«Пап, только честно. Эти совсем ужасные?»

Геннадий увеличил снимок. Белые кроссовки с толстой подошвой лежали на магазинной банкетке. Ничего ужасного он в них не увидел, кроме цены на карточке рядом.

Он написал:

«Нормальные. А почему спрашиваешь?»

Ответ пришёл, пока он возвращался за подписью.

«Мама сказала, что похожи на утюги».

Геннадий остановился у подъезда.

Вмешиваться в обсуждение вещей, которые уже не понравились бывшей жене, следовало осторожно. У него был опыт, причём обширный.

«Если удобные, бери. Тебе же в них ходить».

Потом подумал и добавил:

«Только оба примерь».

Дочь прислала смеющееся лицо.

Он убрал телефон и почувствовал себя немного лучше.

Подпись хозяин поставил не там, где требовалось. Пришлось объяснять, переворачивать лист и искать ручку, которую мужчина минуту назад положил себе за ухо. На прощание Геннадию предложили взять домашние кабачки.

Он поблагодарил, но отказался. В съёмной квартире уже лежали три кабачка от другого покупателя. За октябрь ему чаще предлагали овощи, чем чаевые.

К фургону он вернулся с мокрыми плечами, больной поясницей и твёрдым намерением больше сегодня никому ничего не доставлять.

Дорога к дому шла через ремонтируемый участок. Обычно Геннадий объезжал его по набережной, но там, судя по навигатору, уже стояла пробка. Он решил, что несколько минут возле дорожных рабочих будут меньшим злом.

Ошибку понял, когда увидел полицейские машины.

Белый фургон заметили сразу. Сотрудник у ограждения указал ему на обочину, а потом обошёл машину, задержавшись у задней оси.

Геннадий опустил стекло.

— Добрый вечер. Что везём?

— Упаковку от комода и зеркало, которое клиенту не подошло. Если зеркало не считать, то уже ничего.

Сотрудник попросил документы.

Геннадий достал папку из кармана двери, раскрыл её на коленях и вытащил нужные карточки. Из папки выпал кассовый чек за крепёж.

— Это не нужно, — сказал сотрудник.

— Я понимаю. Он сам.

Чек намок, прилип к штанине и не хотел отставать.

Полицейский терпеливо ждал.

Геннадий передал документы и заметил, что сотрудник смотрит не столько на них, сколько на фургон.

— У вас задняя дверь неплотно закрыта.

Он обернулся.

В правом зеркале действительно отражался край створки. Между ней и кузовом темнела узкая щель.

— Ремень попал, наверное. Я же проверял.

— Выйдите, закройте нормально. И покажите грузовой отсек.

Геннадий натянул куртку, вышел под дождь и сразу наступил в лужу.

На обочине было тесно. Впереди стояла легковушка, её водитель разговаривал со вторым сотрудником. Дальше мигал жёлтый маячок дорожной машины. Между бамперами тянулась струйка мутной воды с плавающим окурком.

Он открыл заднюю дверь.

В кузове пахло сырым картоном, мебельной стружкой и резиновым покрытием. Возвращённое зеркало стояло у левой стенки, затянутое ремнями. В глубине лежали сложенное одеяло, тележка и ящик с инструментами. У самого порога топорщилась картонная упаковка: Геннадий так торопился уйти от Князевых, что забросил её как придётся.

— Накладная на зеркало есть?

— Здесь, в папке. Они овальное заказали, а потом решили, что оно им напоминает глаз.

Полицейский посмотрел на него.

— Я не спрашивал, почему вернули.

— Извините. За день наслушаешься, потом трудно остановиться.

Сотрудник чуть заметно усмехнулся и отступил, пропуская его к кабине.

Геннадий оставил створку распахнутой. Закрывать её до окончания проверки казалось невежливым.

Из папки пришлось доставать несколько листов. Нужная накладная лежала в прозрачном файле вместе с актом возврата, а файл почему-то оказался между инструкцией по сборке кровати и гарантийным талоном на чужой смеситель.

Смеситель он устанавливал не по работе. Просто у женщины, которой привезли тумбу в ванную, текло из-под мойки, и она очень просила посмотреть.

Об этом Лидии Павловне он не рассказывал.

За фургоном остановилась серая машина.

Геннадий услышал, как хлопнула дверь, но не обернулся: полицейский спросил о фамилии в свидетельстве, и пришлось объяснять, что автомобиль принадлежит магазину, а он водитель.

— Работа закончилась?

— Да. Последний адрес был на Садовой.

— А машина почему с вами?

— Утром на склад ехать. Я ближе живу, чем наша стоянка.

Рация на груди сотрудника зашипела. Тот отошёл на несколько шагов, слушая сообщение, а Геннадий разложил бумаги на сухом участке сиденья и наконец нашёл акт.

Мимо открытой двери прошёл невысокий мужчина в кожаной куртке. У него было бледное, усталое лицо и влажные волосы, зачёсанные назад.

Он остановился, посмотрел на документы в руках Геннадия.

— Извините, ручка у вас есть?

— На панели лежала. Только колпачок не потеряйте, она без него течёт.

Мужчина наклонился к кабине, взял ручку. Держал он её почему-то левой рукой, хотя правой тянулся удобнее.

— Долго вас проверяют?

— Минут пять. Я с дверью виноват.

— С какой?

Геннадий кивнул назад.

— Не закрыл как следует. Хотя дёргал. Теперь ещё бумагу на зеркало ищем.

Мужчина посмотрел в сторону кузова.

Полицейский у ограждения что-то ответил в рацию и повернулся к ним. Незнакомец сразу отступил.

— Спасибо. Я верну.

— Лучше сразу, когда закончите. У меня вторая где-то в инструментах, её потом не найдёшь.

Тот кивнул и пошёл назад, к своей машине.

Геннадий передал полицейскому акт. Дождь усилился, и сотрудник предложил перейти к передней части фургона, под навес закрытого шиномонтажа.

Там было суше. С края козырька срывалась струя, и приходилось стоять почти вплотную к металлическим рольставням. За это время Савелий успел вернуться к своей машине за пакетом. Поравнявшись с открытым кузовом, он сунул пакет между одеялом и колёсной аркой. Через пару минут, думал он, вернёт водителю ручку и заберёт пакет.

Из-за фургона доносились голоса.

— Рябец Савелий Николаевич?

— Да, мои документы. А что случилось?

Полицейский рядом с Геннадием поднял глаза, затем снова посмотрел на акт.

— У вас здесь дата вчерашняя.

— Они вчера зеркало получили. Сегодня возвращают.

— А подпись ваша где?

Геннадий показал.

Он начал понемногу беспокоиться о времени. Петрович привык ужинать в определённый час и опоздания воспринимал как личное оскорбление. Если Геннадий задерживался, птица сначала звала его голосом покойного дяди, потом начинала кашлять, как старый курильщик, хотя настоящего кашля у неё не было.

Соседка снизу однажды спросила, не нужен ли его родственнику врач.

Объяснять пришлось долго.

За фургоном разговор стал громче.

— Я ни от кого не скрывался. У меня телефон всё время включён.

— Пройдёмте к машине, там разберёмся.

— Позвонить можно? Я сейчас человеку скажу, он объяснит.

Геннадий невольно покосился туда.

Сотрудник вернул ему акт.

— Всё в порядке. Дверь закройте, ремень уберите. И фонарь сзади посмотрите, левый габарит через раз горит.

— Я лампочку менял на прошлой неделе.

— Значит, дело не в лампочке.

Это было похоже на правду и потому особенно неприятно.

Геннадий собрал бумаги, спрятал их в папку и вернулся к кузову.

Мужчина в кожаной куртке стоял возле серой машины. Рядом с ним были двое сотрудников. Один держал его документы, второй говорил по рации.

Увидев Геннадия, мужчина шагнул вперёд.

— Подождите, я вам ручку…

— На месте стойте, — сказал сотрудник.

— Я только отдать.

Геннадий хотел подойти, но его остановил полицейский с рацией:

— Не задерживайтесь, проезжайте.

Мужчина смотрел на него так настойчиво, что Геннадий почувствовал неловкость.

— Оставьте себе, — сказал он. — У меня есть ещё.

Он действительно помнил, что в ящике с инструментами лежит запасная ручка. Однажды ею размечали плитку, после чего писала она с трудом, но сейчас это казалось несущественным.

Мужчина открыл рот, будто собирался возразить, однако второй сотрудник взял его за локоть и повернул к служебному автомобилю.

Геннадий отвернулся.

Наблюдать за чужими неприятностями было нехорошо. Тем более что собственных у него хватало.

Он поправил картон, отодвинул внутрь выпавший угол одеяла и захлопнул дверь. На этот раз без помех. Подёргал обе ручки, проверил ремень и сел за руль.

Когда фургон тронулся, мужчина возле серой машины всё ещё смотрел в его сторону.

Геннадий поднял ладонь: ничего, мол, страшного, ручка недорогая.

Тот не ответил.

За проверкой дорога освободилась.

Первые несколько минут Геннадий ехал медленно, прислушиваясь к стуку в кузове. На поворотах что-то глухо перекатывалось, но зеркало было закреплено, ящик с инструментами тоже. Скорее всего, по полу ездил металлический крючок от ремня.

На ближайшем светофоре позвонил Константин Сергеевич.

Владелец магазина разговаривал так, будто каждая минута телефонного звонка оплачивалась отдельно и из его кармана.

— Ты где?

— Еду домой. На проверке задержали.

— Что за проверка?

Геннадий рассказал.

Начальника заинтересовала только лампочка.

— Ты же менял.

— Полицейский говорит, контакт где-то.

— Ну так посмотри. Только завтра, сегодня в накладные уже ничего не добавляй.

Геннадий посмотрел на мокрое стекло.

— Контакт я в накладные не добавлю.

— Ты меня понял. Утром сначала на склад, потом на два адреса. И без самодеятельности, у нас вчера женщина благодарность прислала.

Геннадий насторожился.

— Какая женщина?

— Которой ты смеситель починил. Теперь она хочет, чтобы ты ей ещё карниз повесил. Говорит, у вас замечательный мастер на все руки.

— Там гайку подтянуть надо было.

— Вот и подтягивай гайки у себя дома. Мы мебель продаём.

Начальник отключился.

Геннадий ещё некоторое время держал телефон в руке. Потом убрал его и включил поворот.

Город медленно переходил к вечеру. В витринах зажигался свет, мокрые тротуары отражали красные вывески аптек, у пекарни выстроились машины тех, кто не хотел готовить ужин. Между домами пахло морем, дождём и жареным луком.

Он жил в старом пятиэтажном доме недалеко от грузового порта. Квартира была небольшая, с узким коридором и кухней, где дверца холодильника мешала выдвинуть стул. Из окна виднелись верхушки кранов. По ночам в ванной иногда дрожала труба, а в соседней квартире кто-то учился играть на саксофоне, выбирая для занятий самые неподходящие часы.

Зато хозяин не повышал плату и разрешил попугая.

Последнее стало решающим.

После развода Геннадий посмотрел четыре квартиры. В первой нельзя было животных. Во второй нельзя было курить, шуметь и пользоваться стиральной машиной после восьми. В третьей хозяйка спросила, умеет ли попугай ругаться, и, услышав честный ответ, сразу сказала, что её это не устраивает.

Хозяин нынешней квартиры только уточнил:

— Обои ест?

Геннадий ответил, что старается не давать.

На этом договорились.

У мусорной площадки во дворе стоял белый внедорожник. Водитель куда-то ушёл, оставив машину поперёк проезда. Геннадий посигналил, подождал и, не дождавшись, сдал назад к соседнему дому.

Пришлось разгружаться там.

Он заглушил двигатель, взял перчатки и открыл кузов.

Мокрый картон за время поездки стал тяжёлым и податливым. Геннадий стянул его к краю, отделил длинные полосы, свернул их, прижал коленом. Из-под упаковки выкатился пластиковый уголок, потом кусок вспененного полиэтилена.

Серый пакет лежал у правой стенки, между одеялом и колёсной аркой.

Геннадий сначала решил, что это крепёж от комода.

Взял за ручки — и сразу понял, что нет.

Пакет ощутимо потянул руку вниз.

Он поставил его на порог кузова.

Внутри лежал тёмный футляр.

Геннадий посмотрел на зеркало, затем на ящик с инструментами. Своих вещей он не мог перепутать с чужими: их у него было немного, и каждую он либо покупал сам, либо слишком хорошо помнил, откуда она взялась.

Футляр был старый, кожаный, с царапинами на боках. По форме напоминал вытянутую коробку для большой кружки. Металлическая застёжка потемнела.

Он приподнял пакет.

Под ним ничего не оказалось.

Геннадий оглянулся на двор.

У подъезда женщина в дождевике вытирала лапы маленькой собаке. Возле соседнего дома подросток пытался удержать под зонтом и себя, и велосипед. Внедорожник у мусорной площадки наконец завёлся и медленно отъехал.

Никто не выглядел человеком, только что потерявшим тяжёлый кожаный футляр.

Геннадий достал телефон и открыл список доставок.

Три адреса. На первом — кухонный стол, на втором — шкаф, на третьем — комод и возврат зеркала.

Футляр могли оставить Князевы, пока ходили вокруг машины. Хозяин спускался за инструментами, а его жена несколько раз приносила воду. Может быть, выносили что-то родственникам и машинально поставили в кузов.

Он позвонил хозяину.

Тот ответил не сразу.

— Геннадий, мы уже посмотрели, все ящики открываются. Вы что-то забыли?

— Я как раз хотел спросить. У меня в машине пакет чужой оказался. Серый, а внутри коробка кожаная. Не ваша?

На другом конце заговорили вполголоса. Потом послышался голос хозяйки:

— Спроси, не документы ли.

— Нет, не документы, — сказал Геннадий. — Что-то тяжёлое.

Мужчина повторил жене.

Они ещё немного посовещались.

— Нет, мы ничего не оставляли. А инструменты вы все забрали?

— Кажется, все.

— Если вдруг чего не хватает, звоните. У нас ребёнок любит помогать.

Геннадий посмотрел на свой ящик.

— Я проверю. Хорошего вечера.

Следующим он набрал клиента, которому днём собирал шкаф. Тот не знал ни о каком пакете, зато сообщил, что жена просит перенести одну полку.

Геннадий пообещал уточнить в магазине.

Звонить покупателю кухонного стола было неудобно: заказ принимала пожилая женщина, которая долго не могла найти очки даже тогда, когда они висели у неё на шее. Пугать её чужой пропажей не хотелось.

Он сфотографировал пакет, затем футляр.

Снимки получились серыми и мокрыми.

В рабочий чат Геннадий отправил только фотографию закрытого футляра и написал:

«Коллеги, никто сегодня клиентам такую вещь не забирал? Нашёл в кузове».

Лидия Павловна почти сразу ответила:

«Ты опять что-то взялся перевозить?»

Он набрал:

«Нет. Потому и спрашиваю».

Потом убрал телефон.

У порога кузова набежала вода. Оставлять чужую вещь рядом с мокрой упаковкой было нельзя. Геннадий вынес картон к контейнеру, вернулся, проверил крепление зеркала и взял пакет с собой.

На третьем этаже пахло тушёной капустой.

Из-за собственной двери он услышал голос Петровича:

— Гена, ну сколько можно?

Геннадий остановился на площадке.

Голос был дядин. Не просто похожий: с той же хрипотцой, с усталым нажимом на первом слове. Даже спустя почти два года от этого иногда становилось не по себе.

Он открыл дверь.

— Я уже пришёл. Можешь по подъезду не объявлять.

Из кухни раздался короткий сухой кашель, потом скрип.

Петрович сидел на верхней жердочке и смотрел на него одним глазом. Серые перья плотно лежали на округлом теле, красный хвост свешивался за прутья. В кормушке оставалось зерно. Рядом на полу валялся кусок яблока.

— Предоплата где? — спросил попугай.

— Сегодня опять кабачками хотели расплатиться. Но я отказался, у нас своих достаточно.

Петрович стукнул клювом по пруту.

Геннадий поставил пакет в коридоре, снял обувь и повесил куртку над пластиковым тазом. С рукавов закапало.

Квартира встретила привычным теплом, гудением холодильника и тонким запахом птичьего корма. На столе лежала раскрытая книга, которую он уже неделю читал по две страницы перед сном. Между страницами вместо закладки торчал гарантийный талон от электрического чайника.

Он вымыл руки, сменил воду в поилке и вынул из кормушки яблочный огрызок.

— Сам выбросил, сам теперь смотришь. Нормальное яблоко было.

— Положи, откуда взял.

— Оттуда я как раз и взял.

Дядя держал телевизионную мастерскую почти тридцать лет. В последние годы Петрович жил там, в дальней комнате, где стояли чайник, старый диван и полка с деталями. Клиенты птицу обычно не видели, зато слышали часто.

Оттуда у неё осталась привычка кашлять, требовать предоплату и одёргивать людей, которые пытались трогать чужое.

Слова «спасибо» Петрович произносил редко и без всякой связи с обстоятельствами.

Геннадий никогда не пытался переучить его всерьёз. Несколько раз включал запись с приятной музыкой, купил специальную игрушку и неделю повторял: «Доброе утро». Попугай научился воспроизводить скрип дверцы холодильника.

На кухне Геннадий снял крышку с кастрюли.

Гречка.

Он вспомнил, что собирался купить курицу, но забыл, пока искал место для парковки.

В холодильнике нашлись два яйца, половина огурца и банка горчицы. Для человека, который весь день переносил чужую мебель, ужин получался маловато торжественным.

Телефон снова завибрировал.

Дочь написала:

«Купили другие. Эти мама победила».

Следом пришла фотография.

Геннадий сравнил её с первой и не обнаружил существенной разницы.

«Тоже хорошие», — ответил он.

Потом добавил:

«В воскресенье увидимся?»

Ответа пока не было.

Он поставил сковороду на плиту, разбил яйца и только тогда вспомнил о пакете.

Чужая вещь осталась посреди коридора.

Геннадий принёс её на кухню, постелил на свободную половину стола сухое полотенце и достал футляр.

При электрическом свете тот выглядел чуть приличнее. Кожа была не чёрной, как показалось во дворе, а тёмно-коричневой. По краю тянулась тонкая строчка. В одном месте шов разошёлся, и под ним виднелась жёсткая основа.

Он повернул футляр.

На дне белел остаток старой бумажной наклейки. Можно было разобрать две цифры, но не понять, относились они к цене, номеру или чему-то ещё.

Геннадий поднёс находку ближе к свету.

Петрович вытянул шею.

— Тебе не дам, — предупредил Геннадий. — Тут и без тебя угол ободран.

Застёжка оказалась простой. Нужно было прижать маленький язычок и поднять скобу.

Он сделал это — и из клетки рявкнули:

— Руками не трогать!

Геннадий вздрогнул.

Скоба щёлкнула по ногтю.

— Петрович, я тебя когда-нибудь сдам в охрану. Серьёзно говорю, будешь на складе сидеть, пропуска проверять.

Попугай посмотрел на него без интереса.

Геннадий поднял крышку.

Внутри лежало яйцо.

Большое, размером примерно с хороший грейпфрут, на небольшой круглой подставке. Не настоящее, конечно: декоративное, металлическое. Бледно-голубые участки перемежались серебристыми полосами. Вокруг тянулись мелкие завитки и выступающие листочки. Металл местами потемнел, а в углублениях казался почти чёрным.

Подкладка футляра была светлая, вытертая, с точным углублением под вещь.

Геннадий наклонился.

Он видел подобное в сувенирных магазинах, только там яйца были яркие, с золотыми полосами и двуглавыми орлами. У одного покупателя в прихожей стоял целый набор: большие, маленькие, на ножках, с крышками. Заказчик тогда очень просил не задеть их шкафом, и Геннадий дважды обходил прихожую боком.

Это было старее и тяжелее.

Он осторожно взял яйцо вместе с подставкой.

На боку обнаружился тонкий шов. Чуть ниже — маленький выступ, похожий на часть орнамента. Должно быть, шкатулка открывалась, но где именно нажимать, было непонятно.

С кухни потянуло жареным.

Геннадий быстро положил находку обратно и повернулся к плите.

Яйца на сковороде успели подрумяниться сильнее, чем требовалось. Он выключил конфорку, передвинул сковороду и несколько секунд стоял, глядя на ужин.

Потом посмотрел на футляр.

От чужих вещей всегда прибавлялась работа.

Он переложил еду в тарелку, разогрел гречку и сел за свободный край стола. Футляр оставил открытым: вдруг вспомнится, у кого сегодня было что-нибудь похожее.

У женщины с кухонным столом в квартире стояли сервант и старые часы. У человека со шкафом — телевизор размером с дверь. У Князевых вся мебель была новая, блестящая, с плёнкой на фасадах.

Ни один адрес не подходил.

Может, пакет лежал в машине с утра.

Вчера на фургоне ездил Витя, сменщик. Он тоже мог что-то взять и забыть. Витя вообще многое забывал, но чужие просьбы помнил хорошо: особенно если за них платили наличными.

Геннадий открыл рабочий чат.

Под фотографией футляра появились два ответа.

Лидия Павловна написала, что по заказам ничего подобного нет.

Витя поставил вопросительный знак.

Геннадий набрал:

«Вчера у тебя в машине никто пакет не оставлял?»

Сменщик ответил голосовым сообщением. На фоне гремела посуда.

— Гена, я вчера только холодильник возил и стол. Какие пакеты? Ты лучше скажи, ключ на семнадцать у тебя остался? Мне завтра нужен.

Геннадий убавил звук: Петрович насторожился, услышав чужой голос.

— Ключ в ящике. На семнадцать там два, один рожковый, один накидной. А футляр точно не видел?

Витя позвонил.

— Ты что нашёл-то?

— Не знаю. Шкатулку какую-то.

— Открой.

— Я открыл. Там яйцо.

Сменщик помолчал.

— Какое яйцо?

— Декоративное. Металлическое, на подставке.

— Так и напиши в чат. А то коробку прислал, сиди угадывай.

Геннадий посмотрел на находку.

Совет был разумный.

Он повернул футляр к свету, убрал тарелку и подложил под футляр газету, чтобы в кадр не попало пятно на столе. Потом сделал фотографию. На снимке яйцо получилось темнее, чем на самом деле. Пришлось включить настольную лампу, которой он пользовался, когда чинил что-нибудь мелкое.

Со второй попытки стало лучше.

Витя всё ещё оставался на линии.

— Красивое хоть?

— Старое. Может, из какого-нибудь набора.

— Если хозяин не найдётся, на продажу выстави.

— Как я чужое продам?

— А зачем оно тебе?

— Вот потому и ищу, чьё.

Витя вздохнул с явным сожалением о непрактичности товарища.

— Ты в городскую группу напиши. Там сегодня ключи от машины за десять минут нашли. Правда, не те, но всё равно.

После разговора Геннадий отправил снимок в рабочий чат. Лидия Павловна ответила, что такого у них точно не продавали.

Он и сам это знал.

Доел остывшую гречку, вымыл тарелку и заглянул в телефон.

Дочь прислала:

«В воскресенье можно. Только не с утра».

Геннадий улыбнулся.

«Как проснёшься, напиши. Пойдём куда-нибудь».

Он хотел рассказать ей о находке, но не стал. Будет ещё смеяться, что папа опять принёс домой вещь, которую никто не просил приносить.

Старая кофемолка уже стояла на верхней полке. Отремонтированный увлажнитель — под столом. Чужой складной стул, который обещали забрать в сентябре, приходилось каждый раз переставлять, чтобы открыть окно.

Ему самому всё это начинало надоедать.

— Надо жёстче, — сказал он Петровичу. — Человек попросил, ты помог. А потом он забыл, и получается, что это тебе больше всех нужно.

— Гена, не объясняй. Бесполезно.

— Вот с тобой я совершенно согласен.

Попугай спустился к кормушке.

Геннадий принялся осматривать яйцо внимательнее.

Поднимать его второй раз он не стал: вдруг крышка действительно откроется и что-нибудь выпадет. Просто наклонил лампу, посмотрел на подставку, на узор вокруг шва.

В одном месте блеснул маленький прозрачный камешек.

Стекло, наверное.

С другой стороны было ещё несколько таких же. Под электрическим светом они давали резкие, холодные искры.

Дорогая, должно быть, вещь. Во всяком случае, для того, кто её потерял.

От этой мысли Геннадий почувствовал неприятную ответственность. Хозяин, возможно, уже обыскал квартиру, позвонил родственникам, поссорился с кем-нибудь. Старую семейную вещь потерять обиднее, чем новую покупку.

Нужно было попробовать ещё где-нибудь.

Он нашёл городскую группу объявлений. Читал её давно: там сообщали о перекрытых улицах, потерянных документах, иногда выкладывали фотографии людей, которые паркова-лись особенно изобретательно.

Для публикации требовалось выбрать раздел.

Геннадий открыл «Находки», прикрепил два снимка: серый пакет с футляром и само яйцо.

Потом задумался над текстом.

Сначала написал: «Кто потерял?»

Посмотрел.

Удалил.

Так обязательно найдётся человек, который скажет, что потерял именно он.

Геннадий набрал подробнее:

«Сегодня обнаружил в грузовом отсеке машины чужой пакет. Внутри старый футляр и декоративная шкатулка в форме яйца. Возможно, оставил кто-то из клиентов. Верну вла-дельцу».

Он уже собирался отправить, когда вспомнил истории о мошенниках. У соседа однажды пытались забрать найденный телефон, даже не зная, какой он марки.

Геннадий дописал:

«Если ваше, объясните, как открывается и что внутри».

Это показалось ему хорошей проверкой. Сам он не знал, как открыть шкатулку, и потому не сможет случайно подсказать ответ.

Номер телефона указывать не стал. Кто хочет, напишет здесь.

Он перечитал объявление, исправил опечатку и нажал «Опубликовать».

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом появилась надпись, что запись отправлена на проверку.

Геннадий отодвинул телефон, прикрыл футляр и посмотрел на часы.

Нужно было спуститься во двор и проверить задний фонарь. Если оставить до утра, потом снова не хватит времени. Ещё следовало пересчитать инструменты: мальчик с экскаватором вполне мог оставить себе что-нибудь на память.

Он достал из шкафа старую куртку, нашёл налобный фонарь и потянулся за ключами.

Петрович немедленно выпрямился.

— Ты куда собрался?

— К машине. Ненадолго.

— Всё, закрываем лавочку.

— Рано ещё. Ты пока поешь.

Телефон тихо звякнул.

Объявление появилось в группе.

Под ним уже стояла первая отметка.

Геннадий открыл экран.

Какой-то человек написал в комментарии: «Красивое».

Он не стал отвечать. Взял ключи и проверил, закрыта ли дверца клетки.

Телефон звякнул снова.

Личное сообщение от незнакомого пользователя.

«Добрый вечер. Это наша вещь. Очень хорошо, что вы разместили объявление. Напи-шите, пожалуйста, где вы находитесь. Мы заберём сегодня».

Геннадий остановился.

Так быстро он не ожидал.

В профиле стояла фотография светлого помещения с витринами. Имя — «Александр». Больше ничего определённого.

Он вернулся к столу и набрал:

«Здравствуйте. Сначала объясните, как открывается».

Отправил, положил ключи рядом с футляром.

Ответа ещё не было, когда пришло второе сообщение.

Другой пользователь. На фотографии — мужчина в тёмных очках возле автомобиля.

«Я хозяин. Пакет мой. Ничего не открывайте. Сейчас заедут».

Геннадий перечитал обе переписки.

Потом посмотрел на старую шкатулку.

Он знал, что при размещении объявления следует остерегаться мошенников. Именно поэтому и придумал вопрос.

Но почему-то представлял, что сначала появится настоящий хозяин, а уже потом, может быть, кто-нибудь посторонний.

У первого сообщения возникла отметка о прочтении.

Под вторым появилось новое:

«Адрес напишите. Очень надо».

Геннадий медленно снял куртку.

На кухне стало слышно, как закипает оставленная на плите вода.

Петрович склонил голову набок.

— Предоплата где?!

Геннадий не ответил.

У чужого яйца за одну минуту нашлось два хозяина.

И оба собирались приехать сегодня.

ГЛАВА II. ОБЪЯСНИТЕ, КАК ОТКРЫВАЕТСЯ

Если за чужой вещью приезжают слишком быстро, лучше не спешить открывать дверь.

Геннадий снял с плиты чайник и только после этого перечитал сообщения.

Вода выкипела почти наполовину. Пар осел на дверце навесного шкафчика, и по нижнему краю набухла прозрачная капля. Он вытер её полотенцем, поставил чайник на подставку и вернулся к столу.

Первый человек писал, что вещь принадлежит им и они готовы забрать её сегодня.

Второй утверждал, что хозяин он, и требовал ничего не открывать.

Оба хотели адрес.

Геннадий посмотрел на футляр.

Час назад его главной вечерней заботой был неисправный фонарь. Он собирался проверить контакт, выпить чаю и позвонить дочери. Теперь два незнакомых человека выясняли, где он живёт, а сам он сидел перед старой шкатулкой и чувствовал, что сделал что-то неправильно, хотя пока только пытался вернуть чужое.

Он открыл первую переписку.

«Объясните, пожалуйста, что у вас пропало. Фотография в объявлении есть, по ней любой может сказать, что вещь его».

Потом написал второму:

«В футляре что было? И как само яйцо открывается?»

Ответ пришёл сразу.

«Тебе сказали не открывать».

Геннадий замер, глядя на экран.

До этого незнакомец обращался к нему на «вы».

Он набрал:

«Я не открывал. Спрашиваю, чтобы проверить, ваше или нет».

Почти сразу появилась новая строка:

«Проверять не надо. Адрес напиши».

Геннадий положил телефон.

В кухне было тихо. Петрович сидел на верхней жердочке, втянув голову в плечи. За окном шумела вода в водосточной трубе. Из соседней квартиры доносился телевизор.

Он потянулся к кружке, но пить не стал.

Так с ним иногда разговаривали грузчики на складах. Или чужие водители, когда возникал спор из-за места у пандуса. Обычно за таким тоном ничего особенного не стояло: человек привык командовать и сердился, если его не слушались.

Но этот человек даже имени своего не назвал.

Геннадий ответил:

«Без подтверждения никому не отдам».

Сообщение прочитали.

Несколько секунд на экране появлялись три точки.

Потом они исчезли.

От первого претендента пришёл более обстоятельный ответ:

«Коричневый транспортный футляр, светлая подкладка, справа на застёжке царапина. Предмет старый, с механизмом. Открывать самостоятельно нельзя».

Геннадий поднёс застёжку к лампе.

Царапина действительно была.

Впрочем, на фотографии её тоже можно было рассмотреть.

«А как он оказался у меня? Я мебель развозил».

На этот раз пришлось подождать.

«При перевозке произошла путаница. Лучше обсудить по телефону».

Ниже был номер.

Геннадий некоторое время смотрел на него, потом нажал вызов.

Ответили быстро.

— Да.

Голос был мужской, низкий, без приветствия.

— Это Геннадий, я насчёт находки.

— Вижу. Вещь при тебе?

Он невольно посмотрел на яйцо.

— При мне. Но мне ещё человек написал, что он хозяин.

В трубке стало тихо.

— Какой человек?

— Не представился. На фотографии возле машины стоит.

— Номер есть?

— Он здесь, в сообщениях пишет.

— Перешли профиль.

Геннадий нахмурился.

— Подождите. Вы сначала объясните, кто вы.

Пауза вышла короткой.

— Александр. От салона. Мы этот предмет перевозили.

— Какого салона?

Александр назвал.

Геннадий не знал такого.

— Документы у вас есть?

— Приеду, покажу.

— А как сама шкатулка открывается?

— Не трогай её.

— Я не трогаю. Мне просто нужно понять, что вы не по фотографии…

— Геннадий, слушай сюда. Если сломаешь, платить будешь долго. Поставь футляр и больше к нему не лезь. Где ты сейчас?

Он говорил спокойно, даже негромко. Именно от этого Геннадий почувствовал неприятный холод под рубашкой.

Ему вдруг расхотелось называть адрес.

— Дома.

— Это я понял. Улица, дом?

— Может, завтра в салоне встретимся? Я привезу, вы расписку дадите.

— Сегодня заберём.

— Мне завтра рано вставать.

Александр помолчал.

— Тебе же лучше, если сегодня всё закончится.

Геннадий посмотрел на дверь кухни.

Он жил на третьем этаже обычного дома. Не первый раз впускал незнакомых людей: сантехника, электрика, мастера по окнам. Ещё утром такая осторожность показалась бы ему смешной.

Но сейчас человек по телефону не просил. Он уже распоряжался.

— Только с документами, — сказал Геннадий. — И встречу внизу. В квартиру не надо.

— Давай адрес.

Геннадий назвал.

Потом, уже услышав, как Александр повторяет номер дома, почувствовал досаду на самого себя. Нужно было сначала проверить название салона. Позвонить туда. Хотя бы спросить фамилию.

Разговор закончился раньше, чем он успел это сделать.

Геннадий остался с телефоном у уха.

Петрович скрипнул клювом.

— Предоплата где?

— Да подожди ты.

Он сказал это резче, чем хотел.

Попугай выпрямился.

Геннадий выдохнул, провёл ладонью по лицу и открыл вторую переписку.

Там появилось сообщение:

«Кто-нибудь уже приезжал?»

Он набрал:

«Нет. Приедут из салона. Говорят, что их вещь».

Ответ последовал почти сразу.

«Ничего им не отдавай».

Геннадий почувствовал, как начинает злиться.

Он отодвинул кружку и написал:

«Тогда объясните, почему. У вас обоих одна и та же фотография, а документов пока ни у кого нет».

Незнакомец прочитал.

Через несколько секунд пришло:

«С ними разговаривать не надо. Скажи, чтобы уходили».

Геннадий посмотрел на экран.

Второй человек тоже уже командовал.

Он убрал телефон и закрыл футляр.

Яйцо исчезло под кожаной крышкой, и кухня сразу стала похожа на кухню. Чужая старая коробка, чашка, сахарница, отвёртка возле края стола.

Ничего такого, из-за чего следовало нервничать.

Геннадий отнёс футляр в комнату, поставил на нижнюю полку стеллажа и положил сверху сложенный серый пакет. Потом вернулся и проверил, заперта ли входная дверь.

Проверил не потому, что испугался.

Во всяком случае, именно так он себе объяснил.

На другой стороне города Александр убрал телефон от уха и повернулся к Юрию.

— Адрес есть.

Юрий сидел на пассажирском сиденье, положив на колени бумажный пакет. Плотные ручки были обмотаны вокруг пальцев.

— Сам отдаст?

— Посмотрим.

— Один?

— Говорит, дома. В квартиру не зовёт.

Юрий хмыкнул.

— Умный.

Александр набрал Лоска.

Тот ответил без приветствия:

— Нашли?

— Яйцо у него. Фотографии свежие. Водитель, зовут Геннадий. Требует объяснить устройство механизма и показать документы.

— За сколько?

— Пока цену не назвал.

— Значит, ждёт, сколько предложат другие.

Александр помолчал.

По телефону водитель звучал не как человек, который выбирает покупателя. Скорее, как человек, которому очень хочется, чтобы от него отстали.

Но говорить Лоску о впечатлениях Александр не любил. Особенно когда тот уже сделал вывод.

— Ему ещё кто-то написал, — сказал он. — Велел не отдавать.

— Шершень. Больше некому.

Юрий прислушивался, глядя в боковое окно.

За стеклом мокли пустые столики закрытого кафе. По тротуару шла женщина с ребёнком, стараясь накрыть зонтом обоих. Ребёнок то и дело вырывался из-под зонта и прыгал через лужи.

— Что делать? — спросил Александр.

— Забрать.

— Если начнёт упираться?

— Ты забыл, как разговаривать?

Александр не ответил.

Лоск продолжил уже тише:

— Только вещь не повреди. И чтобы без шума на весь двор. Мне завтра нужны деньги от покупателя, а не объяснения, почему вы разбили товар об чью-то голову.

— Понял.

Лоск назвал сумму, которую можно было предложить.

Юрий повернул голову.

— Столько? — произнёс он почти беззвучно.

Александр поднял ладонь.

— Если не хватит? — спросил он.

— Сначала посмотри на него. Может, ему хватит одного разговора.

Связь прервалась.

Юрий поправил пакет.

— За чужую ошибку ещё и платить.

Александр завёл двигатель.

— Тебя это не касается.

— Я к тому, что если он водитель, можно без денег.

Александр посмотрел на него.

— Ты сейчас приедешь и молча постоишь. Пока я говорю — молча. Когда надо будет, скажу.

Юрий отвернулся к окну.

Машина выехала от тротуара.

В комнате над ремонтным боксом Шершень в четвёртый раз звонил Савелию.

Трубку не брали.

Он закончил вызов, положил телефон на стол и посмотрел на стоявшего у двери водителя эвакуатора.

— Где ты его видел?

— У цветочного павильона. Я же говорил.

— После этого?

— После этого я на вызов поехал.

Шершень молча смотрел на него.

Водитель перемялся с ноги на ногу.

— Вы сами сказали не висеть у него на хвосте.

— Я помню, что сказал.

Снизу ударили по металлу. Кто-то громко выругался, затем включился компрессор.

Шершень взял второй телефон. На экране была открыта фотография яйца.

— Вот объясни мне, — сказал он. — Я отправляю человека с пакетом. Пакет должен приехать сюда. Человек пропадает, а пакет через час продают из чужой кухни. Что это значит?

— Может, потерял?

Шершень медленно поднял глаза.

Водитель замолчал.

— Я ему сколько плачу?

— Не знаю.

— Достаточно. Чтобы держал в руках. Чтобы не жрал, не спал и не останавливался, пока не довезёт.

Он снова приблизил фотографию.

У яйца лежала отвёртка.

Обычная плоская отвёртка с потёртой жёлтой ручкой.

Шершень представил, как человек за этим столом открывает футляр, осматривает товар и решает, кому позвонить первым.

Лоск уже наверняка знал.

Телефоны в городе работали быстро, когда речь шла о чужих деньгах.

— Салон, — сказал Шершень.

— Что?

— К нему уже салон едет.

Он показал переписку.

Водитель прочитал и отвёл глаза.

— Значит, Савелий им…

— Не им. Посреднику.

Шершень произнёс это с той уверенностью, с какой ещё несколько часов назад обещал себе, что к ночи всё будет закончено.

— Позвони нашим. Найдите Савелия и машину. В гаражах спросите, по знакомым. Если где встал — пусть место не меняет.

— А если он уже уехал?

— Тогда очень зря.

Водитель кивнул.

— С этим что?

Шершень посмотрел на профиль Геннадия.

На фотографии тот стоял у моря рядом с девочкой. Ветер поднял ворот его куртки, и он придерживал его рукой. Самая обычная фотография, ничем не примечательная.

Шершень не любил людей, которые старались выглядеть слишком обычными.

— Этот пока думает, что у него есть выбор, — сказал он. — Посмотрим, что будет делать дальше.

Геннадий надел старую куртку и спустился к машине.

Он решил, что встретит людей во дворе, выслушает, посмотрит документы. Если что-то не понравится, футляр останется наверху. В конце концов, можно отнести находку в полицию, и пусть там сами решают.

Именно так следовало поступить с самого начала.

Дождь почти прекратился. Капли ещё падали с деревьев, но между домами проступила светлая полоса неба. У мусорной площадки кто-то оставил сломанный стул. Геннадий машинально заметил, что спинка держится на одном шурупе, и отвернулся.

Не хватало ещё стул домой принести.

Он включил габариты и обошёл фургон.

Левый фонарь горел.

Геннадий стукнул по корпусу пальцами.

Лампа погасла.

— Понятно.

Он открыл кузов, достал инструментальный ящик и нашёл отвёртку. Снял крышку, направил внутрь свет налобного фонаря.

Контакт разболтался. На металле проступил тёмный налёт.

Работа была на несколько минут.

Пока он зачищал клемму, телефон завибрировал.

— Геннадий, мы во дворе.

Он поднял голову.

Тёмная машина стояла у въезда. Из неё вышли двое. Первый — в короткой куртке, без головного убора. Второй — выше, с бумажным пакетом.

Они не стали оглядываться в поисках подъезда. Сразу пошли к фургону.

Геннадий выключил фонарь.

— Александр?

Тот кивнул.

Подошёл близко, остановился почти у самой задней двери и посмотрел внутрь кузова.

Не мельком. Внимательно.

На инструменты, на закреплённое зеркало, на одеяло у стенки.

— Здесь нашёл?

— Здесь.

— Где лежало?

Геннадий показал.

Александр наклонился, будто там ещё можно было что-то увидеть.

Юрий тем временем встал справа от Геннадия, со стороны прохода к подъезду.

— Документы привезли? — спросил Геннадий.

Александр достал визитку.

Геннадий прочитал название салона и адрес.

— Это визитка.

— Там телефон. Можешь проверить.

— Я не про телефон. На вещь документы есть?

Александр убрал руку.

— Где футляр?

— Дома. Я же сказал.

— Пойдём.

Он произнёс это так, словно они уже обо всём договорились.

Геннадий остался на месте.

— Я сначала хотел…

Юрий взял у него из руки пластиковую крышку фонаря.

Геннадий даже не понял, когда тот успел протянуть руку.

— Доделывай, — сказал Юрий. — Подождём.

Он держал крышку двумя пальцами и смотрел Геннадию в лицо.

Александр стоял рядом, не двигаясь.

Сейчас Геннадий впервые отчётливо почувствовал, что разговор идёт совсем не так, как он рассчитывал.

Ему не предложили помочь. У него просто забрали вещь из руки, чтобы он быстрее закончил.

Он повернулся к фонарю.

Пальцы вдруг стали неловкими. Маленький винт не сразу попал в отверстие, отвёртка скользнула по шлицу.

Сзади никто не говорил.

От этого хотелось поторопиться, а спешка только мешала.

Геннадий закрепил контакт. Лампа загорелась.

— Крышку дайте.

Юрий протянул.

Когда их пальцы соприкоснулись, Геннадий заметил на его костяшке толстый светлый рубец.

Он закрутил винты, закрыл ящик, поставил его в кузов.

Александр всё это время смотрел на дверь подъезда.

— Я вам сразу объясню, — сказал Геннадий. — Мне чужого не нужно. Но просто так отдать не могу, потому что ещё один человек…

— Знаем, — перебил Александр. — Ты уже говорил.

— Так вот пусть хозяин сам приедет.

— Хозяин занят.

— Тогда завтра.

Александр повернулся к нему.

— Геннадий. Не надо до завтра.

Голос оставался тихим, но в нём больше не было даже попытки изобразить любезность.

— Я сегодня весь день из-за этой вещи катаюсь. Мне ещё раз сюда приезжать не хочется.

— Я вас кататься не просил.

Он сказал это прежде, чем успел подумать.

Юрий чуть наклонил голову.

Александр смотрел на Геннадия несколько секунд.

Потом достал сигарету, повертел в пальцах и убрал обратно.

— Триста пятьдесят, — сказал он.

Геннадий нахмурился.

— Что?

— Тысяч. За находку. Берёшь деньги, отдаёшь пакет, на этом разошлись.

Во дворе кто-то хлопнул дверью автомобиля.

Геннадий услышал этот звук слишком отчётливо.

Триста пятьдесят тысяч.

Ему захотелось посмотреть на пакет Юрия, но он удержался.

— Сколько же она стоит?

— Не твоя забота.

— Как не моя? Вы мне такие деньги за старую…

— За то, что сохранил. Не усложняй.

Александр шагнул ближе.

Между ними осталось совсем мало места. Геннадий почувствовал запах табака и мокрой ткани.

— Ты нашёл — мы забрали. Тебе заплатили. Все довольны.

Геннадий посмотрел на Юрия.

Тот стоял у него сбоку, отрезая путь к лестнице между машинами.

Можно было обойти с другой стороны.

Только для этого пришлось бы сделать несколько шагов назад, к открытым дверям фургона.

Геннадий вдруг ясно понял, что не хочет там оказаться.

— Я не продавал её, — сказал он. — Объявление не о продаже.

— Вот и молодец. Значит, договоримся.

Александр кивнул на подъезд.

— Пошли. Посмотрим.

Геннадий вытер руки ветошью.

Нужно было сказать: оставайтесь здесь, я вынесу.

Но тогда они заберут футляр во дворе, и всё.

Нужно было сказать: без документов не получите.

Он уже сказал.

Можно было позвонить в полицию прямо сейчас. Достать телефон при них.

Геннадий посмотрел на тёмные окна своей кухни.

Наверху были соседи. Домофон. Дверь, которую можно закрыть.

Почему-то ему показалось, что дома будет легче разговаривать.

— Только посмотреть, — произнёс он. — Пока не разберёмся, я ничего не отдаю.

Александр не ответил.

Просто пошёл рядом.

На лестнице они пропустили женщину с хозяйственной сумкой. Геннадий прижался к перилам, чтобы дать ей пройти.

— Добрый вечер, — сказала она.

— Добрый, — ответил он слишком громко.

Женщина оглянулась.

Юрий стоял на ступеньку ниже и смотрел вверх.

Геннадий отвернулся, достал ключи.

Рука была грязная, хотя он вытирал её ветошью. На металлическом кольце остался тёмный след.

Из квартиры, едва он открыл дверь, донеслось:

— Предоплата где?

Юрий остановился.

Александр тоже на секунду замер, потом посмотрел на Геннадия.

— Кто там?

— Попугай.

Никто не засмеялся.

Геннадий открыл дверь шире.

Александр вошёл первым. Прошёл по короткому коридору, заглянул в кухню, затем в комнату.

Геннадий почувствовал, как у него напряглась шея.

— Вы куда?

Александр обернулся.

— Ты же сам сказал, футляр там.

— Я принесу.

— Неси.

Он отступил к кухонному проёму, но уходить не стал.

Юрий закрыл входную дверь.

Геннадий услышал, как щёлкнул язычок замка.

Не ключ. Просто язычок.

Он всё равно посмотрел.

Юрий заметил и усмехнулся одним уголком рта.

— Сквозит.

Геннадий снял обувь.

Гости остались в ботинках.

По линолеуму потянулись мокрые следы.

В другой день он попросил бы хотя бы пройти по коврику. Сейчас только повесил куртку и сказал:

— Я руки вымою.

— Потом помоешь, — отозвался Александр. — Сначала принеси.

Геннадий посмотрел на него.

Тот стоял спокойно. Руки свободно опущены, лицо обычное, почти усталое.

С таким лицом можно ждать заказ в кафе.

Или требовать, чтобы хозяин чужой квартиры делал, что велено.

Геннадий принёс футляр и поставил на стол.

Александр сразу потянулся к застёжке.

Геннадий накрыл крышку ладонью.

— Подождите.

Пальцы Александра остановились в нескольких сантиметрах.

Он поднял глаза.

— Руку убери.

Сказано было без нажима.

Геннадий не убрал.

Он сам не знал почему. Наверное, потому, что если убрать сейчас, потом уже ничего не решишь.

Юрий подошёл со спины.

Не вплотную, но достаточно близко, чтобы Геннадий услышал его дыхание.

— Вы же обещали документы, — сказал Геннадий.

Собственный голос показался ему тоньше обычного.

Александр посмотрел на лежавшую на крышке ладонь.

— Я хочу убедиться, что вещь целая.

— Я покажу.

Он открыл футляр сам.

Гости посмотрели на яйцо.

Их лица изменились одновременно.

Юрий перестал переминаться. Александр чуть наклонился, разглядывая подставку и голубоватые полосы между серебряным узором.

Теперь Геннадий окончательно понял: дело не в старой шкатулке.

Вещь была дорогая.

Очень дорогая.

И люди за ней приехали не те, которым можно сказать, что сегодня неудобно, заходите завтра.

Александр выпрямился.

— Закрывай.

Геннадий не шевельнулся.

— А как она открывается?

Юрий коротко выдохнул у него за спиной.

— Опять?

— Я с самого начала спрашиваю. Вы ни разу не ответили.

Александр провёл большим пальцем по нижней губе.

— Ты чего хочешь?

— Я уже объяснил.

— Нет. Ты ходишь вокруг одного и того же. Документы, механизм, хозяин. Скажи прямо, чего хочешь.

— Убедиться, что отдаю тому, кому надо.

Александр смотрел на него так, будто пытался определить, издевается он или действительно не понимает.

Из клетки донеслось:

— Гена, не объясняй. Бесполезно.

Юрий повернул голову.

Геннадий почувствовал, как пересохло во рту.

Он знал, что птица просто повторяет знакомую фразу. Гости этого не знали.

Александр медленно посмотрел в сторону клетки, потом снова на Геннадия.

— Пятьсот, — сказал он.

Геннадий опустил глаза на яйцо.

Теперь ему совсем не хотелось к нему прикасаться.

— Я не цену повышаю.

— Тогда закрой и отдай.

Александр протянул руку.

Геннадий захлопнул крышку и подтянул футляр к себе.

Юрий взял его за запястье.

Всё произошло быстро и почти бесшумно.

Большая ладонь легла поверх его руки. Пальцы сомкнулись, вдавив сухожилия в кость.

Геннадий дёрнулся.

Юрий сжал сильнее.

Боль пошла вверх до локтя.

— Не суетись, — сказал он.

Геннадий поднял на него глаза.

Тот смотрел без злости.

Именно это было хуже всего.

Он не вспылил, не сорвался. Просто держал чужую руку так, чтобы человек перестал двигаться.

— Отпустите, — сказал Геннадий.

Юрий посмотрел на Александра.

Александр помолчал, затем кивнул.

Пальцы разжались.

Геннадий отступил на полшага. Запястье горело. Он прижал руку к животу, стараясь не растирать при них.

В кухне стало очень тихо.

Петрович замер на жердочке.

— Ты нас услышал? — спросил Александр.

Геннадий кивнул, хотя понятия не имел, с чем соглашается.

— Хорошо. Давай теперь без дёрганья.

Юрий взял бумажный пакет с пола и поставил на край стола.

Бумага шуршала оглушительно.

— Деньги возьмёшь, — продолжил Александр. — Мы вещь заберём. Ты нашёл — мы отблагодарили.

Геннадий смотрел на пакет.

Теперь предложение звучало иначе.

Нужно было не просто отдать.

Нужно было взять.

Чтобы потом можно было сказать: сам согласился.

Он медленно поднял голову.

— Нет.

Александр не изменился в лице.

Только подбородок чуть выдвинулся вперёд.

— Что «нет»?

— Денег не возьму.

Юрий сдвинулся у него за спиной.

Геннадий услышал, как подошва скрипнула по линолеуму.

— Отнести в салон могу. В полицию могу. Вам сейчас — нет.

Последнее слово далось трудно.

Он стоял на собственной кухне, возле собственного стола, и не мог сделать вдох так, чтобы грудь не дрогнула.

Александр наклонился ближе.

— Ты понимаешь, что мы всё равно её заберём?

Геннадий посмотрел в его глаза.

Ни злости, ни обещания скандала.

Обычное сообщение о том, как будет.

— Тогда без денег, — сказал он.

Юрий тихо выругался.

Александр резко повернул голову.

Тот замолчал.

Несколько секунд было слышно только гудение холодильника.

Потом Александр выпрямился.

— Ладно. Садись.

Геннадий остался стоять.

— Сядь, говорю. Не на улице.

Он сел на край стула.

Юрий отошёл к окну, но теперь Геннадий знал, что расстояние ничего не значит. От окна до стола было два шага.

Александр устроился напротив.

Футляр лежал между ними.

— Кто ещё писал? — спросил он.

— Я не знаю.

— Покажи.

Геннадий прижал телефон к ладони.

— Там нет имени. Только фотография.

— Покажи переписку.

Он мог бы отдать.

В телефоне не было ничего особенного: рабочий чат, дочь, бывшая жена, хозяин квартиры, несколько старых знакомых.

Но от мысли, что Александр сейчас возьмёт аппарат, начнёт листать и читать, Геннадия охватило совсем другое чувство.

Он уже позволил войти в квартиру.

Уже принёс футляр.

Уже сидел, потому что велели.

Если отдаст ещё и телефон, останется только ждать.

— Нет, — сказал он.

Юрий отвернулся от окна.

Александр посмотрел на Геннадия внимательно, почти с интересом.

— Смелый?

Геннадий ничего не ответил.

На самом деле он очень боялся.

Запястье продолжало болеть. Время от времени боль простреливала в большой палец, и от этого хотелось спрятать руку под стол.

Александр заметил взгляд и чуть отодвинул стул.

— Мы сюда не за тобой приехали. Не делай так, чтобы пришлось возвращаться.

Геннадий почувствовал, как по спине выступил пот.

Он знал эту квартиру до мелочей. До пятна возле выключателя, до треснувшего плинтуса, до щели, из которой осенью тянуло холодом.

Никогда ещё здесь не было так неуютно.

Телефон коротко завибрировал в его руке.

Геннадий невольно посмотрел.

«Они приехали?»

Александр увидел, как изменилось его лицо.

— Он?

Геннадий не ответил.

— Скажи, что занято, — произнёс Александр. — С вещью вопрос закрыт.

Юрий тихо хмыкнул.

Геннадий вдруг вспомнил мужчину возле серой машины.

Того, который просил ручку.

Его бледное лицо. Взгляд на фургон. Слова о том, что позвонит человеку, и тот объяснит.

Тогда Геннадий решил, что у незнакомца неприятности.

Теперь чужой пакет лежал у него дома, и двое людей объясняли, что вопрос закрыт.

Возможно, связь была совсем другая.

Но мысль уже не уходила.

— Вы знаете Савелия? — спросил он.

Имя он услышал на дороге. Полицейский произнёс его отчётливо.

Юрий перестал улыбаться.

Александр медленно положил ладони на стол.

— С чего ты взял?

Геннадий понял, что попал.

— Просто спросил.

— А ты его откуда знаешь?

— Ничего я не знаю.

— Геннадий.

Впервые Александр произнёс его имя с явным предупреждением.

— Не надо играть.

Геннадий опустил глаза.

Теперь они точно решили, что он что-то скрывает.

Сказать про дорожную проверку? Про ручку? Что тот мужчина подошёл к кабине, а пакет нашёлся только вечером?

Может, тогда всё станет понятно.

А может, станет хуже.

Он уже слышал, каким голосом Александр спросил про Савелия.

— Мне надо позвонить, — сказал Геннадий.

Юрий шагнул от окна.

— Кому ещё?

— В полицию.

Слова вырвались прежде, чем он успел испугаться их до конца.

Юрий остановился.

Александр смотрел на Геннадия неподвижно.

Очень долго.

Потом его губы чуть разошлись.

— Вот как.

Геннадий держал телефон обеими руками.

— Я нашёл чужую вещь. Мне пишут разные люди. Пусть они разберутся.

Юрий повернулся к Александру.

— Саш…

— Тихо.

Одного слова хватило.

Александр не отводил взгляда от Геннадия.

— Уже договорился?

— С кем?

— Не понял, значит.

Геннадий отрицательно покачал головой.

Он действительно не понял.

Александр откинулся на спинку стула.

— Звони.

Юрий резко выдохнул.

— Звони, — повторил Александр. — Посмотрим, кто к тебе приедет.

От этой фразы стало ещё страшнее.

Но Геннадий уже не мог отступить.

Он встал и пошёл в коридор.

Юрий не двинулся, однако взглядом проводил его до самого проёма.

Номер набрался со второго раза.

В первый Геннадий промахнулся.

Когда ответили, он назвал себя, адрес и только потом понял, что говорит слишком быстро.

— Ко мне приехали двое. По объявлению. Я вещь нашёл…

Его попросили спокойнее.

Геннадий посмотрел на кухню.

Александр сидел у стола, ладони лежали на коленях. Юрий стоял возле клетки.

Со стороны всё выглядело совершенно мирно.

— Двое мужчин, — повторил Геннадий. — Говорят, что вещь их клиента. Документов нет. Предлагают деньги. Я отдавать не хочу.

— Вам угрожают?

Он почувствовал, как сжалось горло.

Александр повернул голову.

Геннадий видел только часть его лица.

— Мне нужно, чтобы приехали сотрудники, — сказал он.

— Они сейчас в квартире?

— Да.

— Есть оружие?

— Я не видел.

Это была правда.

И от неё не стало легче.

Он сообщил имя с визитки, описал второго, ещё раз повторил адрес.

Потом его спросили, может ли он выйти.

Геннадий посмотрел на входную дверь.

Ключ торчал в нижнем замке. До него было два шага.

Если открыть и выйти на лестницу, футляр останется на кухне.

Но теперь Геннадий думал уже не о футляре.

Нужно было просто выйти.

За спиной негромко скрипнул пол.

В кухонном проёме появился Юрий.

Он ничего не сказал.

Стоял и смотрел.

— Я в квартире останусь, — ответил Геннадий.

Его попросили не вступать в конфликт и ждать.

Он убрал телефон.

Юрий отступил, пропуская его обратно.

Геннадий вернулся на кухню и сел.

Александр уже достал свой аппарат.

— Ну что, едут?

— Да.

— Хорошо.

Он набрал сообщение.

Геннадий видел, как движутся пальцы, и думал, что надо было всё-таки выйти.

Не спорить. Не объяснять. Открыть дверь и спуститься.

Он мог бы постучать к соседке.

Та самая женщина в дождевике была дома.

Но сейчас, после звонка, вставать ещё раз казалось опаснее, чем оставаться на месте.

Петрович медленно спустился к кормушке.

Юрий повернул к нему голову.

— Уймёшь свою птицу, если начнёт орать?

Геннадий посмотрел на него.

— Он сейчас не кричит.

— Я слышу.

Александр поднял глаза от телефона.

— Не трогай клетку.

Юрий убрал руку, которую успел положить на верхний край.

Петрович застыл, глядя на пальцы.

Геннадий почувствовал внезапный приступ злости.

Не такой, с которой говорят резкие слова. Тупой, тяжёлой, от которой хочется встать и вытолкать чужих людей из квартиры.

Но Юрий был моложе, крепче и только что показал, как мало усилий ему нужно, чтобы сделать больно.

Геннадий перевёл взгляд на стол.

На бумажный пакет.

На чужой футляр.

На деньги, которых даже не видел.

Если бы можно было вернуться к тому моменту, когда он нашёл пакет в кузове, он не понёс бы его наверх.

Оставил бы в машине.

Нет. Всё равно нашёл бы утром.

Нужно было сразу отвезти в полицию.

Или вообще не трогать.

Он перебирал варианты, понимая, что ни один уже не существует.

Телефон снова завибрировал.

От второго незнакомца:

«Не отдавай им. Слышишь?»

Геннадий убрал аппарат экраном вниз.

Александр заметил.

— Передумал?

— В каком смысле?

— Насчёт полиции.

Геннадий посмотрел на него.

— Я их вызвал.

— Я слышал.

— Тогда зачем спрашиваете?

Александр едва заметно улыбнулся.

Улыбка была короткой и неприятной.

— Чтобы не получилось, что зря сидим.

За стеной сосед прибавил телевизор. Раздался смех, затем громкая музыка.

Геннадий вдруг с тоской подумал об обычном вечере.

Можно было смотреть передачу. Можно было чинить фонарь и ругаться на закисший контакт. Можно было слушать, как дочь рассказывает о кроссовках, которые не понравились матери.

Всё это продолжалось где-то рядом.

Люди ужинали, спорили, выбирали кино.

А у него на кухне сидели двое, и каждый звук в квартире приходилось оценивать заново.

Александр посмотрел на фотографию дочери, видневшуюся через открытый коридор.

Геннадий заметил этот взгляд.

Сердце дёрнулось.

— Вы на что смотрите?

Александр вернулся к нему.

— Жду.

Больше он ничего не сказал.

Этого хватило.

Геннадий сцепил руки под столом. Больное запястье оказалось сверху. На коже проступали красные полосы.

Он повернул руку так, чтобы их не было видно.

Александр увидел и это.

Но не прокомментировал.

Телефон у него в ладони загорелся входящим вызовом.

Он отклонил.

Через несколько секунд вызов повторился.

Александр снова нажал кнопку.

Юрий посмотрел на него с вопросом.

Тот чуть качнул головой.

Геннадий начал считать звуки.

Холодильник.

Телевизор.

Капля с куртки в пластиковый таз.

Шаги на четвёртом этаже.

Машина под окном.

Он не знал, сколько прошло времени. Минуты растягивались, и всякий раз, когда казалось, что ждут уже слишком долго, часы показывали почти то же самое.

Наконец за окном скользнул свет фар.

Юрий отодвинул занавеску.

Смотрел вниз несколько секунд.

Потом повернулся к Александру.

— Двое.

Геннадий встал.

Александр не стал его останавливать.

Снизу хлопнула дверь автомобиля. Почти сразу — вторая.

В коридоре пискнул домофон.

Геннадий снял трубку так быстро, что она стукнула о край корпуса.

— Полиция. Вы вызывали?

— Да. Третий этаж.

Он нажал кнопку.

Где-то внизу открылся подъезд.

Геннадий стоял с трубкой в руке и чувствовал, как дрожат пальцы.

Нужно было положить её на место.

Он не сразу попал.

Из кухни донёсся тихий шорох. Александр взял визитку и сунул её в карман.

Геннадий успел увидеть.

— Оставьте, — сказал он.

Александр поднял глаза.

— Что?

— Визитку.

Несколько секунд они смотрели друг на друга через коридор.

Потом Александр достал карточку и положил на стол.

Очень аккуратно.

— Конечно.

Геннадий повернул ключ и открыл входную дверь.

С лестницы уже доносились шаги двух человек. Один поднимался быстро, второй чуть отставал. Кто-то негромко сказал, что в этом доме опять не горит лампа.

Юрий отошёл от окна.

Теперь он стоял спокойно, руки на виду, лицо равнодушное.

На кухне не осталось ничего от прежней тесной, неподвижной угрозы.

Двое посетителей.

Хозяин.

На столе футляр.

Даже бумажный пакет Юрий убрал под стул.

Александр набрал номер и приложил телефон к уху.

Геннадий не слышал первых слов: смотрел на лестницу.

На повороте показался полицейский в фуражке. Следом — второй, с открытым блокнотом.

За спиной Геннадия Александр произнёс совсем тихо:
— Эдуард Валерьевич, мы у него.
Он выслушал ответ.
— Нет. Пока не взяли.
Полицейский поднялся на последнюю ступеньку.
Геннадий посторонился, пропуская его в квартиру.
Александр смотрел на них из кухни.
— Тут не случайный водитель, — сказал он в телефон. — Он нас специально привёл.
Пауза.
— Полиция уже здесь. Встречу заранее подготовил.

ГЛАВА III. ОЧЕНЬ ПЕРСПЕКТИВНОЕ ДЕЛО

Особенно трудно доложить об успехе, если ещё не решил, в чём он заключается.

Первый полицейский остановился на пороге и посмотрел не на Геннадия, а ему за плечо.

Это был молодой мужчина с узким лицом, аккуратными усами и выражением человека, которого оторвали от более важного дела. С форменной куртки стекала вода. Он держал фуражку в руке, хотя ещё на лестнице был в ней.

Второй оказался старше и заметно шире в плечах. Поднимался он без спешки, бережно придерживая раскрытый блокнот, чтобы не задеть страницами мокрую стену.

— Лейтенант Туманов, — представился первый. — Кто вызывал?

— Я. Геннадий Плющ.

— Что случилось?

Геннадий отступил, пропуская их.

— Я вещь нашёл. Потом эти двое приехали…

Из кухни появился Александр с телефоном у уха.

— Перезвоню, — сказал он и убрал аппарат в карман.

Туманов посмотрел на него.

— А вы пока там останьтесь.

Александр остановился.

Голос полицейского был не громче его собственного. Но впервые за весь вечер Александр сделал именно то, что ему сказали, и от этого Геннадий почувствовал такое облегчение, что пришлось на секунду прислониться к дверному косяку.

— Сержант Кулеш, — произнёс второй полицейский. — Дверь оставьте открытой.

Он повернулся к лестничной площадке, оглядел её и встал сбоку от входа.

Геннадий заметил, что Кулеш всё время видит кухонный проём. Даже когда смотрит в блокнот.

— Нас в квартиру пригласили, — сказал Александр. — Тут недоразумение с найденной вещью. Мы сейчас объясним.

— Объясните, — согласился Туманов. — По очереди.

Он прошёл на кухню.

Юрий стоял возле окна, сложив руки перед собой. Бумажный пакет лежал под стулом. Футляр оставался на столе.

Туманов осмотрел всё это, задержался взглядом на клетке.

Петрович сидел неподвижно, вытянувшись вдоль жердочки.

— Животное не выпускали? — спросил Туманов.

— Он закрыт, — ответил Геннадий.

— Хорошо. Документы у всех с собой?

Александр достал паспорт.

Юрий полез под куртку.

— Медленно, — сказал Кулеш из коридора.

Рука Юрия остановилась.

Он посмотрел на сержанта и только потом двумя пальцами вытащил тёмную книжечку.

Геннадий почувствовал, как постепенно отпускает тугой узел между лопатками.

До сих пор ему казалось, что эти люди могут делать всё.

Оказалось, не всё.

Туманов взял документы, прочитал фамилии и передал Кулешу. Тот сверил фотографии с лицами, записал данные, перелистнул несколько страниц.

— Александр Викторович Веденец, — произнёс он. — И Юрий Павлович Кривец.

Юрий молчал.

Александр кивнул, будто подтверждал правильность записи.

Туманов предложил Геннадию показать паспорт. Тот сходил за папкой, вынул документ и вдруг обнаружил, что никак не может попасть им в прозрачный карман обложки.

— Без обложки дайте, — сказал Кулеш.

Геннадий протянул паспорт.

Сержант посмотрел на его руку.

— Что с запястьем?

На коже ещё виднелись красные полосы.

Геннадий машинально опустил рукав.

— Он сжал.

Он кивнул на Юрия.

Лицо Туманова изменилось.

Не резко. Просто исчезла первоначальная усталость.

— Который?

— У окна.

— Зачем?

Юрий расправил плечи.

— Он футляр дёрнул. Вещь дорогая, я придержал.

— Я не футляр дёрнул, — сказал Геннадий. — Я к себе его придвинул. А он меня за руку…

— Я вас услышал, — остановил его Туманов и повернулся к Юрию. — Чужие руки не придерживают. Сядьте.

Юрий посмотрел на Александра.

— На меня смотрите, — сказал Туманов. — Стул перед вами.

Юрий сел.

Кулеш подвинулся так, чтобы между ним и входной дверью оставалось меньше места.

Геннадий заметил это и подумал, что полицейские, наверное, всё понимают. Не нужно будет объяснять, почему он впустил незнакомых людей, почему не вышел сразу, почему сидел у себя на кухне и боялся пошевелиться.

Туманов посмотрел на его запястье.

— Болит?

— Немного.

— Медицинская помощь нужна?

— Нет, я думаю, пройдёт.

— Это вы не думайте. Если боль останется, обращайтесь, повреждения фиксируйте. Обстоятельства сейчас запишем. Борис, отдельно у него возьми.

Кулеш кивнул на коридор.

Геннадий пошёл за ним.

Сержант прикрыл кухонную дверь, оставив широкую щель, через которую по-прежнему было видно гостей.

— Теперь спокойно, с самого начала. Как попали сюда?

— Я пакет нашёл в машине. Объявление дал. Они написали, что вещь их клиента.

— В квартиру сами впустили?

Геннадий опустил глаза.

— Сам. Я сначала хотел внизу. Но они сказали посмотреть…

— Я не ругаю. Мне порядок нужен.

Кулеш прислонил блокнот к стене.

Рука у него была большая, почерк — мелкий и удивительно ровный.

Геннадий рассказал про сообщения, визитку, деньги и вопросы, на которые никто не захотел ответить. Про то, как Юрий сжал запястье. Про слова Александра, что вещь они всё равно заберут.

Кулеш записывал без комментариев.

— Прямо говорил, что ударит? Или что сделает с вами?

— Так не говорил.

— Футляр из рук вырывали?

— Нет. Но я…

— Понял. Пишите, как было, без добавлений. И без пропусков тоже.

Он достал из папки чистый лист и подал Геннадию вместе с ручкой.

Ручка оказалась с надломленным зажимом, обмотанным синей изолентой.

Геннадий вспомнил свою, оставшуюся у Савелия.

От этого стало особенно не по себе.

В кухне Туманов спросил:

— На каком основании вы требуете передать предмет?

Александр ответил ровно:

— Представляем интересы владельца. Я работаю в салоне, вот удостоверение сотрудника. Юрий со мной.

— Это что за карточка?

— Пропуск в служебные помещения.

— Тогда так и говорите: пропуск. А интересы владельца чем подтверждены?

— Документы готовятся. Ситуация срочная.

Геннадий остановил ручку.

Из-за приоткрытой двери хорошо было видно, как Александр положил перед Тумановым пластиковую карточку. На ней действительно имелись фотография, название салона и фамилия.

Кулеш тихо постучал пальцем по листу.

— Не отвлекайтесь. Подпись потом прочитаете и поставите.

Геннадий наклонился над бумагой.

Первую строку пришлось зачеркнуть: он начал с доставки комода и сам понял, что это лишнее.

Кулеш не торопил.

В кухне Туманов продолжал:

— Собственник кто?

— Частное лицо.

— Фамилия у частного лица имеется?

— Я могу связаться с руководителем.

— Связывайтесь. Только пусть он сообщит, кто собственник и на каком основании предмет перевозили.

— Здесь неудобно обсуждать сведения о клиенте.

Туманов некоторое время молчал.

— Удобно было сюда приехать. Предлагать полмиллиона тоже удобно. А фамилия внезапно стала неудобной.

Петрович скрипнул клювом.

Кулеш поднял глаза на клетку.

Птица промолчала.

Геннадий писал, стараясь не пропустить ничего важного. От волнения в предложениях повторялось слово «потом». Потом нашёл. Потом позвонил. Потом приехали.

Он никогда не давал таких объяснений.

Однажды оформлял аварию во дворе, но там оба участника сразу признали, кто во что въехал, и больше всего спорили о том, можно ли выправить крыло без покраски.

Сейчас за стенкой сидел человек, который пять минут назад держал его за руку.

И второй, который успел посмотреть на фотографию дочери.

Геннадий написал об этом, перечитал и не стал вычёркивать.

Посмотрел — это ещё ничего не значит.

Но испугался он по-настоящему.

Кулеш взял лист, пробежал глазами.

— Здесь уточните. Деньги фактически не получали?

— Не получал.

— Предмет не передавали?

— Нет.

— Хорошо.

Сержант вернул бумагу.

— Номер телефона внизу напишите.

На кухне Александр разговаривал с кем-то по телефону.

Слышно было только его:

— Сотрудники приехали… Да. Просят данные владельца… Я понял.

Он убрал аппарат.

— Руководитель готов лично подъехать в отдел с документами. Утром.

Туманов посмотрел на часы.

— Сюда почему не готов?

— Сейчас за городом.

— А вас послал.

— Предмет нельзя оставлять без надлежащего хранения.

Туманов осмотрел закрытый футляр.

— Подтвердите право на него — получите в установленном порядке.

Александр выпрямился.

— Что вы собираетесь делать?

— Проверять.

— На каком основании?

— На том, что найденную вещь требуют двое неизвестных друг другу владельцев, а подтверждения нет ни у одного.

Александр помолчал.

Потом сказал:

— У второго, вероятно, и быть не может.

Туманов поднял глаза.

— Тогда тем более не торопитесь.

Кулеш вернулся на кухню и положил объяснение Геннадия перед напарником.

Туманов прочитал.

На запястье посмотрел ещё раз, уже внимательнее.

— Александр Викторович, ваши доводы услышали. Юрий Павлович, теперь ваши запишем.

Юрий взял предложенный лист.

— Мне что писать?

— Как сюда попали. Зачем приехали. Почему брали гражданина за руку.

— Я же сказал.

— Вот и изложите. Письменно ваши слова лучше сохранятся.

Юрий посмотрел на Александра.

Тот коротко кивнул.

Геннадий встал у холодильника, стараясь никому не мешать.

На кухне было пятеро. Туманов занимал место у стола, Александр сидел напротив, Юрий писал, Кулеш стоял у двери.

Ещё час назад Геннадий думал, что его кухня мала только для холодильника и лишнего стула.

Теперь в ней помещалось слишком много чужих намерений.

Туманов открыл футляр.

Взглянул на яйцо.

— Это оно?

— Да, — ответил Геннадий. — Я думал, шкатулка.

— А что внутри?

— Не знаю. Я потому и спрашивал, как открывается.

Александр чуть повернул голову.

Туманов заметил.

— Вы знаете?

— Там старый механизм. Нужен специалист.

— С этим мы уже ознакомились.

Он наклонился ближе.

Яйцо под кухонной лампой выглядело странно: светлые голубые участки, тонкий серебристый рисунок, небольшие прозрачные вставки. Ни большой ценник, ни возраст, ни фамилия владельца на нём не обозначались.

Туманов протянул руку к подставке.

Александр привстал.

— Осторожнее.

Кулеш сразу поднял голову.

Туманов замер, затем посмотрел на Александра.

— Сядьте.

Тот сел.

— Я предупреждаю, что вещь хрупкая.

— Я услышал.

Туманов убрал руку.

Геннадий подумал, что это было правильно. Не стоило ничего открывать. Как только откроешь, обязательно выяснится, что внутри что-нибудь сломалось ещё сто лет назад, а виноват теперь ты.

Кулеш достал телефон и сфотографировал предмет в футляре, потом крышку, застёжку и остаток наклейки на дне.

— Пакет этот? — спросил он.

Геннадий кивнул.

Сержант расправил серый пластик, посмотрел внутрь.

Ничего не нашёл.

Александр следил за ним.

— Если вы забираете, мне нужны ваши данные, — сказал он Туманову.

Туманов достал удостоверение.

Показал.

Александр прочитал внимательно.

Не мельком, как обычно читают чужие удостоверения.

Геннадий заметил, как взгляд задержался на фамилии.

Потом Александр достал свой телефон.

— Перепишу.

— Перепишите, — сказал Туманов. — Заодно запомните, что без оснований сюда больше приезжать не надо.

— Мы имеем право обратиться к нашедшему.

— Обратиться — да. Давить на него и хватать за руки — нет.

Александр ничего не ответил.

На этот раз Геннадию стало легче уже не от формы и не от удостоверения.

Кто-то произнёс вслух именно то, что происходило.

Не недоразумение.

Не разговор.

Давили.

Туманов закрыл футляр.

— Геннадий, вещь готовы передать на проверку?

— Готов. Только бумагу оставьте.

— Оставим.

Он сказал это с лёгким удивлением, будто Геннадий мог ожидать другого.

А ведь ещё час назад все вокруг тоже обещали документы.

Кулеш вытащил из папки следующий лист.

— Давайте опишем, чтобы потом не было: я отдавал одно, получил другое. Футляр какой? Тёмно-коричневый, кожа. Размер приблизительно…

Он достал маленькую рулетку.

Туманов посмотрел на него.

— Ты теперь всё меряешь?

— Когда пишешь «небольшой», потом каждый по-своему понимает.

Кулеш разложил рулетку вдоль футляра.

Геннадий едва не предложил свою, более удобную, но удержался.

Александр наблюдал за измерениями с каменным лицом.

Юрий дописывал объяснение. Ручку сжимал так сильно, что побелели пальцы.

— Закончите и прочитайте вслух, — сказал ему Кулеш.

— Зачем вслух?

— Если почерк разберу, можно про себя.

Юрий поднял глаза.

Кулеш смотрел совершенно серьёзно.

Туманов отвернулся к Геннадию.

— Объявление пока сохраните. Переписки тоже. Ничего не удаляйте, особенно сообщения второго.

— Мне ему отвечать?

— Передайте, что находка у полиции. Пусть обращается.

— Я уже написал.

Александр чуть подался вперёд.

— Написали?

Геннадий посмотрел на него.

— Что полицию вызвал.

На лице гостя ничего не отразилось, но Туманов перевёл взгляд с одного на другого.

— Вторая переписка у вас в телефоне?

Геннадий показал.

Туманов прочитал сообщения, Кулеш записал название профиля и сохранил сведения, которые могли помочь установить отправителя.

Настоящего имени там не было.

Геннадий с досадой подумал, что даже человек возле машины на фотографии мог оказаться не тем, кто писал.

Прежде такие мысли казались ему излишней подозрительностью.

Вечер оказался полезным.

Очень неприятным, но полезным.

Юрий положил ручку.

Кулеш взял его лист и стал читать.

На середине остановился.

— «Предотвратил падение футляра». Он падал?

— Мог упасть.

— Здесь написано, что падал.

Юрий потянулся за листом.

— Исправлю.

— Исправляйте рядом, с подписью. И про запястье допишите. Вы же не футляр держали.

Александр тихо сказал:

— Юр, пиши как было.

Геннадий посмотрел на него.

Сейчас он говорил совсем иначе, чем прежде.

Почти заботливо.

От этого почему-то стало ещё противнее.

Кулеш закончил описание. Геннадий прочитал его дважды. В расписке были указаны его данные, сведения Туманова, дата, время, футляр, пакет и яйцевидный предмет на подставке.

Слово «яйцевидный» выглядело смешно.

Но смеяться не хотелось.

— А мне завтра куда? — спросил он.

Туманов записал номер и адрес отдела.

— Сначала созвонимся. Дополнительно вспомните, кто подходил к машине.

— Я одного вспомнил. На дороге, когда документы проверяли.

Александр перестал смотреть в телефон.

Геннадий заметил это слишком поздно.

Туманов повернулся к нему.

— Давайте подробнее.

Он рассказал про мужчину в кожаной куртке, ручку и серую машину. Сказал, что слышал имя и фамилию: Савелий Рябец.

Кулеш записал.

— Его задержали?

— Повели к полицейской машине. Он хотел кому-то позвонить.

— Где именно?

Геннадий назвал участок дороги.

Туманов посмотрел на время в расписке.

— Проверим.

Юрий сидел, уставившись в стол.

Александр убрал телефон.

Геннадий вдруг понял, что не стоило рассказывать при них. Теперь они тоже знают, что именно он видел.

Туманов, похоже, заметил, как он замолчал.

— Остальное отдельно уточним, — сказал он. — Здесь пока закончили.

Кулеш убрал листы в папку.

Александр поднялся.

— Мы свободны?

— Ваши данные записаны. Для подтверждения права на предмет пусть обращается собственник или представитель с документами.

— Я понял.

— И с Геннадием по этому вопросу связываться не нужно.

Александр взял бумажный пакет. Ручки натянулись, когда он поднял его с пола.

Геннадий так и не узнал, что было внутри.

Юрий встал последним.

Кулеш подождал, пока он выйдет в коридор, затем пошёл за ним.

В прихожей гости ненадолго остановились.

Геннадий остался у кухонного проёма.

Ему хотелось, чтобы они просто ушли.

Не попрощались, не посмотрели, не сказали ничего напоследок.

Александр всё-таки повернул голову.

— Номер у тебя есть, — произнёс он.

Туманов, стоявший рядом, ответил:

— Теперь звонить будете нам.

Александр задержал на нём взгляд.

Потом открыл дверь.

Юрий вышел, даже не посмотрев на Геннадия.

Только на площадке остановился и поднял воротник.

Потом оба начали спускаться.

Кулеш не закрывал дверь, пока шаги не ушли ниже второго этажа.

Геннадий впервые за долгое время вдохнул глубоко.

Воздух никак не хотел проходить до конца.

Он сел на тумбочку, задел ногой коробку с инструментами и сразу поднялся: перед посторонними почему-то было неловко выглядеть слабым.

Туманов вернулся на кухню.

— Воды выпейте.

— Я нормально.

— Вижу. Всё равно выпейте.

Геннадий налил из фильтра в кружку и сделал несколько глотков.

Руки понемногу переставали дрожать.

Кулеш осмотрел запястье ещё раз и сфотографировал следы с согласия Геннадия.

— Если боль усилится, не терпите, — сказал он.

— Хорошо.

Сержант некоторое время смотрел на него, потом добавил:

— Если вернутся, не открывайте. Даже если скажут, что договорились с нами.

Геннадий кивнул.

Он уже понял, что многие вещи нужно объяснять заранее.

Туманов тем временем положил футляр в серый пакет. Кулеш нашёл чистый плотный мешок, в который это можно было убрать целиком, не разрывая старые ручки. У Геннадия такие хранились под раковиной: он покупал их для упаковки возвращаемой фурнитуры.

Сержант закрепил верх, приложил бумажную полоску с подписями и ещё раз сверил описание.

Туманов наблюдал.

— Теперь можно и доехать.

— Теперь можно потом доказать, что доехали с тем же, — ответил Кулеш.

Геннадий попросил:

— Вы только не открывайте само яйцо.

Туманов посмотрел на него с лёгким раздражением.

— Никто его без специалиста ломать не будет.

— Я не в этом смысле. Просто вдруг там…

— Понимаю.

Он поднял пакет.

Петрович вдруг сказал:

— Положи, откуда взял.

Кулеш остановился.

Посмотрел на клетку.

Потом на пакет в руке напарника.

Туманов нахмурился.

— Он у вас всегда к месту?

— Иногда, — ответил Геннадий. — Обычно наоборот.

Кулеш спрятал ручку.

— Сегодня старается.

Эта короткая фраза неожиданно помогла.

Геннадий даже улыбнулся, хотя улыбка вышла неловкой.

Полицейские уже собирались уходить, когда он спросил:

— А они теперь не приедут?

Туманов остановился в коридоре.

Вопрос был задан тихо.

Геннадий смотрел не на него, а на футляр.

Туманову, очевидно, хотелось ответить уверенно и окончательно. Несколько секунд он выбирал слова.

— За находкой сюда ехать незачем. Её у вас нет. Если будут звонить, передавайте нам. Лично ничего не обсуждайте.

Кулеш добавил:

— И дверь не открывайте.

— Я понял.

— Завтра утром наберём, — сказал Туманов.

Они вышли.

Геннадий запер оба замка, подёргал дверь и прислонился к ней лбом.

На лестнице ещё слышались голоса.

Потом внизу хлопнула дверь подъезда.

Он вернулся на кухню.

На столе остались визитка, копия расписки и две влажные полосы от футляра. Под стулом темнел след чужого ботинка.

Геннадий взял тряпку.

Не потому, что сейчас было важно вымыть пол.

Просто нужно было чем-нибудь заняться.

Петрович молчал.

Когда Геннадий поднял голову, птица смотрела на него, чуть склонившись набок.

— Всё, ушли, — сказал он.

Попугай не ответил.

Во дворе Кулеш первым заметил машину гостей.

Она стояла у выезда.

Фары не горели.

Александр сидел за рулём, Юрий — рядом. Когда полицейские вышли из подъезда, в салоне на секунду вспыхнул экран телефона.

Кулеш остановился возле патрульной машины и записал номер.

— Что ещё? — спросил Туманов.

— Машину.

— Документы на людей есть.

— Машина тоже есть.

Он закрыл блокнот и сел за руль.

Туманов пристроил пакет у ног.

Посмотрел на тёмную легковушку.

Та завелась не сразу. Подождала, пока они выедут со двора, и только потом включила фары.

— За нами? — спросил Туманов.

Кулеш посмотрел в зеркало.

— Пока в одну сторону.

На первом перекрёстке легковушка ушла налево.

Сержант отметил это без комментария.

Туманов снял фуражку и положил на колени.

В салоне пахло мокрой формой, пластиком и остывшим кофе. Под пассажирским сиденьем перекатывалась пустая бутылка, оставленная предыдущим экипажем. На панели тускло светились приборы.

Несколько минут они ехали молча.

Потом Туманов достал телефон.

— Название салона помнишь?

Кулеш кивнул на папку.

— Там записано.

— Я помню, что записано. Просто спрашиваю.

Он ввёл название.

Нашлись фотографии витрин, часы работы, отзывы покупателей и сайт с чёрным фоном. На главной странице стояли серебряные часы, фарфоровая ваза и старинная настольная лампа.

Салон выглядел вполне настоящим.

Это раздражало.

Если бы по адресу оказался пустырь, а телефон был зарегистрирован на покойника, всё складывалось бы проще.

— Пятьсот тысяч, — сказал Туманов.

Кулеш следил за дорогой.

— Слышал.

— Сначала триста пятьдесят, потом пятьсот. За сохранность.

— Тоже слышал.

— А бумаги не показали.

Кулеш посмотрел в зеркало.

— Потому и не отдали.

Туманов покосился на него.

Разговаривать с Борисом было непросто. Тот отвечал так, словно каждый вопрос имел только буквальный смысл.

— Я о том, что вещь серьёзная.

— Возможно.

— Они знали, за чем ехали. И кто такой Рябец, тоже знали.

— Тогда надо проверить Рябца.

— Вот именно.

Туманов вернулся к телефону.

Через салон ничего нового не находилось. Он открыл городские новости, набрал несколько слов, связанных с похищениями и антиквариатом.

Сначала выскочило старое дело о пропавших иконах.

Потом объявление о продаже мебели.

Потом свежая заметка, опубликованная меньше часа назад.

Туманов провёл по экрану.

На фотографии было яйцо.

Он не сразу понял.

Свет на снимке был другой. Предмет стоял без футляра, на тёмной подставке, и выглядел значительно наряднее, чем на кухне Геннадия.

Но голубые полосы, завитки, прозрачные вставки по ободку совпадали.

Туманов увеличил изображение.

Потом открыл фотографию, которую Кулеш переслал ему из квартиры.

Сравнил.

— Борис.

Сержант не повернул головы.

— Что?

— Остановись где-нибудь.

По голосу он, видимо, что-то понял.

Через несколько секунд машина встала у закрытого цветочного магазина.

Кулеш включил стояночный тормоз.

Туманов протянул телефон.

Сержант посмотрел на снимок.

Потом на пакет у его ног.

Затем снова на экран.

— Похоже.

Туманов медленно выдохнул.

— Тут написано: «Зимний рассвет».

Он пролистнул страницу.

Частное собрание. Закрытый показ. Пропажа обнаружена вечером. Представитель владельца подтвердил похищение. Стоимость требует экспертной оценки, но речь идёт о многомиллионной сумме в долларах.

В заголовке уже стояло другое:

«В городе похитили яйцо Фаберже стоимостью до восемнадцати миллионов долларов».

Кулеш прочитал.

Подвинул телефон обратно.

— Заголовки обычно больше знают, чем эксперты.

Туманов не ответил.

Он смотрел на мешок у своих ног.

Обычный плотный мешок, серый пакет внутри, потёртый кожаный футляр.

Он только что держал его одной рукой, как сменную обувь.

Туманов поставил пакет между ступнями и убрал от двери.

Кулеш потянулся к рации.

— Надо сообщить.

— Подожди.

Рука сержанта остановилась.

— Чего?

Туманов снова посмотрел на новость.

Глаза у него изменились.

До этого весь вечер он разбирался с чужой суетой: находка, спор, двое настойчивых людей, перепуганный водитель, объяснения.

Теперь впервые появилось дело.

Настоящее.

С именами, деньгами, похищением и вещью, которую будут показывать по телевизору.

— Сначала надо понять, что у нас, — сказал он.

Кулеш указал на экран.

— Здесь написано.

— Здесь написано то, что журналисту сказали. А у нас предмет, похожий на похищенный. Это разные вещи.

— Так и сообщим. Похожий.

Туманов потёр ладонью подбородок.

За стеклом шли люди с пакетами. Проехал автобус. У остановки кто-то уронил зонт и догонял его по тротуару.

Город не заметил, что в их машине лежит такая сумма.

— Смотри, — начал Туманов. — Если сейчас доложим, что нашли яйцо, приедут, заберут. Дальше пойдут работать другие. А у нас кто его привёз, кому продавали, кто из салона за этим стоит?

Кулеш посмотрел на него.

— Фамилии у нас записаны.

— Двух исполнителей. Может, они вообще не знают, что везли.

Сержант некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Полмиллиона за шкатулку они предлагали уверенно.

— Вот именно. Поэтому надо салон проверить. Он в двух улицах отсюда. Посмотрим, работает ли, кто там сейчас. Ничего не трогаем, никуда без оснований не лезем. Установим картину и доложим нормально.

Кулеш снова взглянул на рацию.

Туманов видел этот взгляд.

— Боря, десять минут. Сведения на них есть, предмет у нас. Не пропадёт.

Сержант положил ладонь на руль.

— Предмет можно оставить в отделе, а потом ехать.

— Можно. И объяснять, почему вернулись с дороги, вместо того чтобы проверить единственную свежую зацепку.

— Зацепки не обижаются, когда о них докладывают.

Туманов повернулся к нему.

— Я не собираюсь скрывать. Я собираюсь доложить о преступлении, а не о том, что мы коробку принесли.

Он замолчал.

Это прозвучало слишком откровенно.

Кулеш смотрел перед собой.

Потом медленно завёл двигатель.

— Один адрес, — сказал он. — Посмотрели и в отдел.

Туманов кивнул.

— Один адрес.

У него уже выстраивался будущий доклад.

Поступил вызов. Прибыли. Установили подозрительные обстоятельства. Обеспечили сохранность предмета. Проверили причастных.

Если выяснится, что именно эти двое участвовали в похищении, можно будет добавить: раскрыли.

Не «нашли на кухне».

Раскрыли.

Туманов ещё раз посмотрел на фотографию.

Потом открыл объяснение Геннадия.

— Рябец, — произнёс он. — Нужно через дежурного выяснить, кто его остановил.

— Нужно.

— Если он из этой же истории, можно сразу цепочку поднять.

Кулеш тронул машину.

— Цепочка уже есть. Водителя только что за руку крутили у него дома.

Туманов перестал смотреть в телефон.

Несколько секунд сидел молча.

Потом достал расписку, нашёл номер Геннадия и набрал.

Ответили быстро.

— Геннадий? Это Туманов. Ещё уточним кое-что по тому мужчине на дороге. Пока никуда не уходите и никому не открывайте.

Он выслушал.

— Нет, сейчас к нам ехать не нужно. Завтра созвонимся. Если кто-то появится, сразу звоните.

Кулеш повернул на следующую улицу.

Туманов закончил разговор.

Пакет тихо шуршал у его ног.

В квартире Геннадий положил телефон рядом с распиской.

Он успел вымыть пол и убрать чашки. Следы ботинок исчезли, но спокойнее от этого не стало.

Туманов говорил обычным голосом.

«Никуда не уходите».

Наверное, ещё что-то проверяли.

Геннадий решил, что не будет никуда выходить.

С фонарём закончил. Ужин съел. Документы собрал.

Можно принять душ и лечь.

Он подошёл к клетке.

Петрович наконец спустился к зерну.

— Вот и правильно, — сказал Геннадий. — Поели все, разошлись. Хорошо бы теперь до утра никому ничего не понадобилось.

Попугай перебрал лапами по жердочке.

Геннадий накрыл часть клетки тканью, оставив открытой привычную сторону.

Телефон снова зазвонил.

Он подумал, что Туманов что-то забыл.

Но на экране было имя Константина Сергеевича.

Геннадий закрыл глаза.

Начальнику он о находке так и не рассказал.

— Да, слушаю.

— Ты чего трубку не берёшь?

— Когда?

— Десять минут назад звонил.

Геннадий посмотрел на экран. Пропущенный действительно был.

— С полицией разговаривал.

— Что опять с машиной?

— Ничего. Не из-за машины.

— Лидия мне про пакет сказала. Ты чем занимаешься вообще?

Геннадий прислонился к краю стола.

Объяснять весь вечер сначала не было сил.

— Нашёл чужую вещь. Приехали, забрали на проверку. Бумага есть.

— Кто приехал?

— Полицейские.

— А ко мне сейчас человек звонит, говорит, что ты у него груз забрал.

Геннадий выпрямился.

— Какой человек?

— Я откуда знаю? Называет нашу машину, маршрут, спрашивает тебя. У меня магазин, а не справочное бюро.

— Я ничего не забирал.

— Вот и объясни ему. Со служебной почты номер твой просил. Я не дал.

Геннадий почувствовал холод.

— Правильно, что не дали.

Начальник замолчал.

Наверное, услышал что-то в голосе.

— Там серьёзно?

— Не знаю пока.

— Смотри, чтобы без нашей машины. Она на магазине.

Эта привычная забота о фургоне почему-то вернула Геннадию способность думать.

— Я понял.

— Завтра утром документы возьми. Все.

Разговор закончился.

Геннадий проверил замки.

Потом подошёл к окну.

Фургон стоял под деревом, там, где он его оставил. Во дворе горел один фонарь из трёх. Свет попадал на мокрую крышу и часть боковой стенки с названием магазина.

Тёмной легковушки не было.

Он посмотрел на другие машины.

Люди оставляли их здесь каждый вечер. Белая у соседнего подъезда, красная под балконом, старая серая возле мусорной площадки.

Ещё одна, длинная, с затемнёнными задними стёклами, стояла у торца дома.

Геннадий не помнил, видел ли её раньше.

Он отошёл от окна.

Телефон завибрировал.

Сообщение от незнакомого номера.

«У белого фургона свет в кузове горит».

Геннадий нахмурился.

Снова подошёл к окну.

Никакого света он не увидел.

Может, с этой стороны не видно.

Когда убирал инструмент, мог не до конца закрыть боковую дверь. Лампочка горела тускло, а аккумулятор был старый. Если оставить до утра, Константин Сергеевич начнёт день именно с этого.

Геннадий набрал номер, с которого пришло сообщение.

Гудки.

Никто не ответил.

Он открыл фотографию фургона в рабочем чате, собираясь уточнить у Вити, включается ли в этой машине свет при неплотно закрытой двери.

И только потом вспомнил слова Кулеша.

Не открывайте.

Никуда не уходите.

Геннадий застыл с телефоном в руке.

Из окна по-прежнему было видно неподвижный фургон.

Потом возле него появился мужчина.

В обычной рабочей куртке. Остановился у задней двери, наклонился, поднял голову к окнам.

Геннадий сделал шаг назад.

Телефон зазвонил.

Тот же незнакомый номер.

Он ответил, не говоря ни слова.

— Это хозяин белого фургона? — спросили в трубке.

— Что нужно?

— Дверь у тебя не заперта. Я мимо шёл, смотрю — приоткрыта. Тут какие-то ящики.

Геннадий сжал телефон.

— Не трогайте ничего.

— Да не трогаю я. Ты спустись, закрой. А то отойдёшь потом, скажешь, что украли.

Мужчина у фургона держал телефон у лица.

Свет дворового фонаря освещал его куртку и плечо.

Он действительно стоял возле задней двери.

Геннадий помнил, что запирал её.

Потом доставал ящик.

Потом пришли Александр с Юрием.

После этого…

Он не мог вспомнить.

— Сейчас, — сказал он.

И сразу понял, что не следовало.

Нужно было позвонить Туманову.

Сказать про сообщение и человека.

Но что сказать? Что кто-то заметил незапертую дверь? Полиция уже один раз приехала из-за него. Оставила расписки, записала объяснения. Теперь снова вызывать, потому что он сам не проверил замок?

Геннадий сунул ноги в ботинки, взял ключи.

Телефон остался в руке.

Он не собирался разговаривать с незнакомцем. Просто выйдет, закроет машину и сразу вернётся. Из подъезда фургон видно почти целиком.

Дверь квартиры он запер на оба замка.

На втором этаже остановился.

Внизу было тихо.

Слишком тихо — или теперь всё казалось таким?

Геннадий посмотрел на экран.

Нашёл номер Туманова.

Палец остановился над кнопкой вызова.

В этот момент хлопнула входная дверь подъезда.

Кто-то вошёл.

Геннадий услышал шаги и отступил к стене.

Из-за поворота показался мужчина с продуктовым пакетом. Сосед с пятого этажа, которому он осенью помогал поднять стиральную машину.

— Вечер добрый.

— Добрый, — ответил Геннадий.

Сосед прошёл мимо, пахнув хлебом и холодным воздухом.

Геннадий убрал телефон в карман.

У подъезда горела лампа.

Возле фургона мужчина всё ещё ждал.

Он поднял руку.

— Сюда.

Геннадий остановился на ступеньке.

— Где открыто?

— С этой стороны. Видишь?

Мужчина отступил за угол кузова.

Геннадий не пошёл сразу.

Посмотрел на боковую дверь.

Она была закрыта.

Заднюю с этого места видно не было.

За спиной снова открылась дверь подъезда.

Геннадий машинально посторонился.

Ему на плечо легла тяжёлая ладонь.

— Тихо, — сказал голос возле самого уха.

Он дёрнулся.

Ладонь скользнула к шее. Второй человек вышел из тени между машинами и перехватил его руку с ключами.

Металл врезался в пальцы.

— Не надо здесь, — произнёс тот, что держал сзади. — Сам иди.

Геннадий попытался повернуть голову к подъезду.

Получил короткий толчок под рёбра.

Воздух пропал.

Он согнулся, хватая ртом холод, и увидел перед собой мокрый асфальт, собственный ботинок, отражение жёлтой лампы в луже.

— Ровнее, — сказали ему. — Не на прогулке.

Рядом открылась дверь длинной машины с затемнёнными стёклами.

Той самой, у торца дома.

Геннадий попытался упереться ногой.

Его ударили ладонью по затылку, пригибая голову, и втолкнули на заднее сиденье.

Он оказался боком, коленями в спинке переднего кресла.

В кармане был телефон.

Нужно было только достать.

Пальцы уже нащупали край, когда чужая рука резко выдернула аппарат.

— Это пока у нас.

С другой стороны сел второй.

Дверь захлопнулась.

Геннадий поднял голову.

Между передними сиденьями виднелся водитель. Мужчина возле фургона устроился рядом с ним.

— Взяли? — спросил водитель.

— Поехали.

Машина тронулась.

Геннадий посмотрел в боковое стекло.

Подъезд медленно отодвинулся. Белый фургон остался под деревом. В окне кухни горел свет.

Он вдруг с отчаянной ясностью вспомнил: клетку накрыл только наполовину. Петрович будет ждать, пока он вернётся и выключит лампу.

— Вещи у меня нет, — сказал Геннадий.

Голос вышел хриплым.

Никто не ответил.

— Её полиция забрала. У меня расписка дома.

Мужчина слева прижал его плечо к сиденью.

— Роман сам спросит.

В это время в двух улицах от антикварного салона Туманов держал на коленях телефон и пытался сформулировать начало рапорта.

«В ходе проверки сообщения установлено…»

Нет. Слишком обычно.

Он посмотрел на пакет у своих ног.

— Очень перспективное дело, Борис.

Кулеш вёл машину, не отвечая.

На заднем сиденье чужого автомобиля Геннадий ещё раз повторил, что никакого яйца у него больше нет.

Мужчина слева чуть повернулся.

— Тем хуже, если врёшь.

ГЛАВА IV. ДЕНЬГИ НА АСФАЛЬТЕ

Деньги не пахнут. Пока не полежат в луже.

Когда Александр сел за руль, ладони у него были совершенно сухие.

Он положил телефон в держатель, поправил зеркало и только потом посмотрел на Юрия.

Тот пристроил бумажный пакет между ног.

— Надо было забирать внизу, — сказал Юрий. — В квартиру полезли зря.

Александр не ответил.

За лобовым стеклом темнел двор. На третьем этаже горело окно кухни. Через занавеску двигались тени: один из полицейских ещё что-то говорил хозяину, второй, судя по неподвижной фигуре у проёма, ждал в коридоре.

Юрий посмотрел туда же.

— Ты видел, как он на меня глянул, когда эти вошли?

— Видел.

— Сразу смелый стал.

— Ты ему руку зачем крутил?

Юрий повернулся.

— Он коробку к себе потянул.

— Я спросил, зачем руку крутил.

— Чтобы не дёргался.

Александр несколько секунд смотрел на окно.

— Теперь объяснение твоё у них. И фотография руки тоже, скорее всего.

— Да ничего там не осталось. Я его даже не бил.

Александр медленно повернул голову.

Юрий отвёл взгляд.

В квартире всё пошло не так с самого начала. Водитель требовал документы, отказывался от денег, задавал один и тот же вопрос, потом назвал Савелия. А при появлении полиции не пытался ни спрятать вещь, ни уйти от объяснений.

Растерянный человек мог так себя вести.

И человек, заранее знавший, что за ним приедут свои, — тоже.

Александр не любил ситуации, в которых оба объяснения подходили одинаково хорошо.

— Деньги проверь, — сказал он.

Юрий нагнулся над пакетом.

— Всё здесь.

— Я сказал проверить.

Тот достал из-под сложенного листа две пачки. Полмиллиона в крупных купюрах уместились в двух плотных пачках, перехваченных бумажными полосками. Одну полосу Юрий надорвал ещё в машине, когда они собирались заходить к водителю.

Он пошевелил купюры большим пальцем.

— Всё.

— Убери.

Из подъезда вышли полицейские.

Александр опустил глаза на телефон, но наблюдать не перестал.

Один направился к патрульной машине. Второй задержался, посмотрел прямо на их автомобиль и что-то записал в блокнот.

Юрий тихо выругался.

— Номер переписал.

— Пусть переписывает.

— На хрена им наш номер?

Александр не ответил.

Полицейская машина тронулась.

Он подождал несколько секунд, завёл двигатель и выехал следом.

В зеркале оставался белый фургон. На его боку виднелось название мебельного магазина. Двери были закрыты, фонари погашены.

Юрий повернулся, провожая машину взглядом.

— Мог бы хоть расписку с этого взять.

— Какую?

— Что деньги предлагали, он отказался. Чтобы потом не придумал.

Александр посмотрел на него.

Юрий замолчал.

На первом перекрёстке они свернули налево. Патрульная машина поехала прямо.

Ещё два квартала Александр двигался спокойно, не меняя скорости. Потом вытащил телефон из держателя и набрал Лоска.

Тот ответил сразу.

— Где вещь?

Александр посмотрел на дорогу.

— У полиции.

На другом конце не произнесли ни слова.

Он продолжил:

— Забрали при нас. Описание составили, водителю бумагу оставили. Фамилии сотрудников у меня есть.

— Какого хрена ты их выпустил?

Александр сжал телефон крепче.

— Они в форме приехали. На служебной машине. Вызов зарегистрирован, объяснения взяли. В квартире их трогать нельзя было.

Лоск молчал.

Это молчание было хуже крика.

— Водитель от денег отказался, — добавил Александр. — Даже когда подняли сумму. И про Савелия спросил.

— Откуда он Савелия знает?

— Пока не понял.

— Так пойми.

В трубке послышался шорох, потом голос стал ближе:

— Подъезжай к салону. И чтобы без хвоста.

Связь оборвалась.

Александр вставил телефон в держатель.

У следующего светофора горел красный. Перед ними стоял автобус с запотевшими окнами, справа теснились машины, объезжавшие дорожные работы.

В зеркале появилась светлая легковушка.

Она держалась не слишком близко.

Александр посмотрел на неё, потом на зелёный сигнал пешеходного перехода.

Люди переходили медленно. Пожилой мужчина вёл за руку ребёнка, женщина тащила сумку на колёсах. Автобус чуть подался вперёд и снова остановился.

Светлая машина за ними тоже остановилась.

— Сзади посмотри, — сказал Александр.

Юрий не стал оборачиваться. Опустил козырёк, открыл маленькое зеркало.

— Серебристая?

— Она.

— Вроде с проспекта идёт.

Александр кивнул.

Ему тоже показалось, что машина появилась ещё до поворота.

Но он не был уверен.

День получился длинным, а с определённого часа все чужие автомобили начинали выглядеть подозрительно.

Слева загорелась зелёная стрелка.

Александр перестроился за автобус, дождался, пока тот тронется, и свернул в боковую улицу.

Там было темнее.

С одной стороны тянулся кирпичный забор старой прачечной, с другой стояли двухэтажные дома с магазинами на первых этажах. В глубине улицы светилась вывеска аптеки. Возле неё разгружали небольшой фургон.

Александр посмотрел в зеркало.

Светлая легковушка повернула следом.

— Эти за нами, — сказал Юрий.

Он уже выпрямился и убрал пакет с пола на колени.

Александр не стал ускоряться.

Впереди, возле разгрузочного фургона, оставался узкий проезд. Если успеть пройти, дальше будет выезд к освещённому перекрёстку.

Он нажал на газ.

Из тёмного въезда у прачечной выкатился чёрный автомобиль.

Медленно, словно водитель не заметил приближающуюся машину.

Александр ударил по тормозу.

Ремень впился в плечо.

Между бамперами осталось меньше метра.

Светлая легковушка остановилась сзади.

Юрий посмотрел на боковое зеркало.

— Приехали.

Чёрный автомобиль стоял поперёк улицы.

Его задние фонари отражались в мокром асфальте.

Из-за руля вышел Денис Лущ.

Александр узнал его сразу.

Плотный, коротко стриженный, в тёмной куртке без застёгнутого воротника. Когда-то он приезжал к салону за оплатой перевозки и полчаса сидел в машине, не выключая двигатель, потому что ему не разрешили поставить эвакуатор у парадного входа.

Теперь ждать он явно не собирался.

Лущ подошёл к водительской двери и постучал костяшками в стекло.

Не сильно.

Так стучат, когда знают, что их впустят.

Александр опустил стекло на несколько сантиметров.

— Убери машину.

Лущ посмотрел внутрь салона.

На Юрия.

На пакет у него на коленях.

— Выходи. Поговорим.

— По телефону поговоришь.

— Выходи, Саша. Я два раза просить не буду.

Из светлой машины появились ещё двое.

Один остался у багажника Александра. Второй пошёл к пассажирской двери.

У аптеки хлопнула створка разгрузочного фургона.

Александр слышал, как кто-то двигает внутри коробки.

Обычные звуки улицы, на которой через минуту могло стать совсем не обычно.

— Ты сейчас глупость делаешь, — сказал он.

Лущ наклонился ближе к щели.

— Я глупость сделал, когда вас от подъезда не забрал. Исправляю.

Александр поднял стекло.

Почти сразу снаружи дёрнули ручку двери.

Замок удержал.

Лущ не отступил.

Вместо этого достал телефон, приложил к уху.

Александр понимал, кому он звонит.

Юрий смотрел на человека у своей двери.

— Их трое.

— Вижу.

— Проехать можно?

Александр оценил расстояние до стены.

Справа оставался тротуар, но дальше стоял разгрузочный фургон. Слева — бампер чёрной машины и кирпичный угол.

Протиснуться можно было только через чужой кузов.

А яйцо, по мнению этих людей, находилось у них.

Поэтому пока не били стекло.

Пока.

Телефон Александра зазвонил.

Номер Шершня.

Он ответил.

— Слушаю.

— Отдай пакет Денису, — сказал Шершень.

Ни приветствия, ни вопроса.

— Ты ошибся. Вещи у нас нет.

— А где?

— У полиции. Позвони своему водителю, если он ещё у тебя, пусть расскажет, куда положил.

На другом конце послышалось дыхание.

— Саша, не надо сейчас показывать характер. Я знаю, откуда ты едешь.

— Тогда должен знать, что из подъезда перед нами вышли двое в форме.

— Вот им и отдал.

— Правильно. И бумаги при нас оформили. А теперь скажи своим, чтобы убрали машину.

Шершень не ответил сразу.

Александр смотрел на Луща сквозь стекло.

Тот стоял неподвижно, телефон у уха.

— Денис посмотрит, — сказал наконец Шершень. — Если пусто, разъедетесь.

— Никто здесь ничего смотреть не будет.

— Тогда посмотрят без тебя.

Звонок оборвался.

Лущ убрал телефон.

Его лицо не изменилось.

Он постучал в стекло ещё раз.

Александр нажал кнопку центрального замка.

— Пакет не отдавай, — сказал он Юрию.

— Понял.

Дверь открылась прежде, чем Александр успел отвести колено.

Лущ ухватил её за край, рванул шире.

— Выходи нормально.

Александр выбрался.

Дождь уже закончился, но с края крыши прачечной капало прямо на плечо.

— Вещи нет, — повторил он. — Вы зря здесь встали.

Лущ положил ладонь ему на грудь и прижал к дверному проёму.

Не ударил.

Просто удержал.

— Сейчас проверим.

— Руку убери.

— Стой спокойно. Пять минут, и поедешь.

Александр посмотрел на его ладонь.

Потом на лицо.

— Ты мою машину тронешь — Лоск с тебя спросит.

— Пусть сначала своё найдёт.

За спиной Луща подошёл второй мужчина. Высокий, с мокрыми волосами, прилипшими к вискам. Александр помнил, что его звали Стасом. Встречал однажды на складе, где тот избил грузчика из-за пропавшего ящика.

Стас потянулся к салону.

Александр ударил его по руке.

Лущ сразу вдавил его сильнее в дверной проём.

С другой стороны машины раздался короткий стук.

Юрий открыл дверь резко, оттолкнув подошедшего человека.

Тот успел выставить ногу и не упал.

— Назад, — сказал Юрий.

Пакет он держал в левой руке, правую отвёл к боку.

Человек перед ним остановился.

— Покажи, что там.

— Подойди, покажу.

Александр успел увидеть это через салон.

И понял, что разговор закончился.

Он сбросил руку Луща и ударил его коротко, снизу, туда, где расходился ворот куртки.

Лущ отступил на полшага, захрипел.

Стас схватил Александра за рукав.

Ткань натянулась.

Александр повернулся, пытаясь освободиться, и получил удар сбоку.

Голова стукнулась о верхний край дверного проёма.

На секунду перед глазами погас свет.

Потом он увидел собственную ладонь на мокром стекле.

И тёплая вода потекла по виску.

Нет.

Не вода.

— Держи его! — прохрипел Лущ.

Александр ударил локтем назад.

Попал.

Стас выругался, но рукав не отпустил.

С другой стороны машины Юрий отступал к задней двери.

Его противник держался близко, не давая размахнуться.

Пакет мешал.

Юрий поднял его выше, пытаясь убрать за спину.

Чужая рука вцепилась в бумажную стенку.

Раздался треск.

Сначала на асфальт упал сложенный белый лист.

Потом одна пачка.

Вторая зацепилась за ручку пакета, надорванная бумажная полоска разошлась, и деньги высыпались широким веером.

Несколько банкнот прилипли к мокрой двери.

Остальные легли под ноги.

Все на мгновение посмотрели вниз.

Этого хватило.

Юрий наклонился, пытаясь подхватить оставшуюся целой пачку.

Стас как раз отпустил Александра и обошёл открытую дверь. Заметил, как рука Юрия скользнула к нижнему краю куртки, и ударил первым.

Коротко, с разворота плеча.

Юрий дёрнулся назад.

В носу сухо хрустнуло.

Он выронил пакет, схватился за лицо и сел на корточки возле заднего колеса.

Мужчина отступил.

— Руки покажи!

Юрий смотрел на кровь между пальцами.

— Я деньги брал, сволочь!

И рванулся вперёд.

Удар пришёлся не туда, куда он целился.

Они столкнулись плечами и вместе врезались в дверь.

Зеркало на пассажирской стороне сложилось.

Потом с хрустом повисло на проводах.

Александр услышал этот хруст и почему-то разозлился сильнее, чем от собственной крови.

Стас снова полез к водительской двери и схватил Александра за рукав. Александр вывернул руку, толкнул Стаса в грудь и ухватился за край двери.

Лущ ударил его в бок.

Воздух вышел коротким, злым выдохом.

Александр согнулся, но дверь не отпустил.

Рванул её на себя.

Край пришёлся Лущу по предплечью.

Тот отскочил, ругаясь.

Где-то совсем рядом грохнул металл.

Стас, отступая, опрокинул рекламный щит аптеки.

Щит упал на плитку, задел металлическую урну и остался лежать посреди тротуара.

Из аптеки выглянула женщина в белом халате.

У фургона перестали двигать коробки.

На втором этаже распахнулось окно.

— Вы что там творите? — крикнул мужской голос.

Никто не ответил.

Драка продолжалась слишком близко, чтобы ещё учитывать окна.

Юрий вцепился противнику в куртку и ударил лбом.

Попал в щёку.

Сам сразу застонал, потому что повреждённый нос отозвался такой болью, что ноги подогнулись.

Человек отпихнул его и ударил коленом.

Юрий упал на одно колено прямо в лужу.

Рядом плавала пятитысячная купюра.

Он увидел на ней тёмный отпечаток подошвы.

Александр отступил к заднему крылу, прижимая ладонь к брови.

Лущ снова пошёл на него.

Теперь уже без разговоров.

Сквозь шум в голове Александр услышал голос из окна:

— Я полицию вызываю! Вы номера свои думаете спрятать?

Женщина из аптеки вышла на порог.

В одной руке у неё был телефон.

— Отойдите от двери!

Стас повернулся.

— Внутрь зайди.

Она попятилась на полшага.

Но телефон не опустила.

Александр посмотрел на неё и вдруг отчётливо понял, что они стоят посреди улицы.

Не в боксе.

Не во дворе без окон.

Посреди улицы, где у каждой стены могли оказаться камера, окно или человек с телефоном.

И с яйцом здесь никто не уходил.

Потому что яйца здесь не было.

Он поднял ладонь.

— Всё. Хватит.

Лущ остановился в шаге.

Дышал тяжело, с хрипом. Держал повреждённую руку чуть в стороне.

— Где пакет?

Александр посмотрел под ноги.

Вода несла банкноту к решётке водостока.

— Вот пакет, — сказал он. — Наслаждайся.

Лущ выругался.

Юрий выпрямился, держась за машину.

Кровь у него текла уже на подбородок.

Стас шагнул к открытой передней двери и быстро заглянул внутрь.

На сиденье лежали салфетки, кабель зарядки, папка с документами.

Футляра не было.

— В багажнике смотри, — сказал Лущ.

Александр повернулся к нему.

— Ты не понял?

Он убрал ладонь от брови.

Кровь прошла по виску до уха.

— Сейчас уедем все. Или останемся все. Я с тобой до утра здесь простою.

Лущ смотрел на него.

Из окна снова крикнули:

— Машины свои уберите! Я номера записал!

У аптеки водитель разгрузочного фургона достал телефон и стал снимать.

Не приблизился.

Стоял за своей дверью, как за щитом.

Стас повернулся к нему.

Тот отступил в кабину.

Камера продолжала смотреть из-за стекла.

Лущ оценил улицу.

Открытое окно.

Женщина на пороге.

Фургон.

Деньги на асфальте.

Слишком много.

Он сплюнул на дорогу.

— Багажник открой.

— Сам открой, — сказал Александр. — Ключ у меня в кармане. Полезешь — полезу тоже.

Оба стояли неподвижно.

Юрий сделал шаг, но его качнуло.

Третий человек Луща сразу поднял руку.

— Стой там.

— Я за деньгами, идиот.

Он нагнулся и поднял целую пачку.

Та успела намокнуть по краю, но бумажная полоска держала.

Лущ посмотрел на пачку.

Потом на разбросанные купюры.

Что-то в его лице изменилось.

— Это от водителя?

Александр медленно вытер кровь о рукав.

— Это ему. Было.

Лущ не поверил.

Александр увидел.

Никакие объяснения сейчас ничего не меняли.

Если деньги у них, значит, Геннадий заплатил.

Или передал аванс.

Или выкупил вещь.

Любой вывод годился, кроме того, который действительно соответствовал происходящему.

— Уезжаем, — сказал Лущ своим.

Стас ещё смотрел в салон.

— Может, под сиденьем…

— Я сказал, уезжаем.

Третий мужчина поднял с асфальта две банкноты и сунул в карман.

Лущ заметил.

— Положи.

Тот застыл.

— Я просто…

— Положи на капот.

Купюры легли на мокрый металл.

Александр смотрел на них, стараясь запомнить лица.

Не потому, что собирался жаловаться в полицию.

Сейчас многое придётся делать позже.

Лущ отступил.

— Передай своему: так не делается.

— Сам передашь. Он твой номер знает.

Стас схватил опрокинутый рекламный щит и оттащил к стене.

Из аптеки ему крикнули, что крепление сломано.

Он не обернулся.

Светлая машина сзади тронулась первой.

Медленно отъехала, освободив пространство.

Чёрная, стоявшая поперёк, начала разворачиваться.

Пришлось сдавать назад дважды: с первого раза водитель едва не задел разгрузочный фургон.

Тот посигналил.

Долго.

Лущ сел, хлопнул дверью.

Машины уехали в разные стороны.

И почти сразу стало слышно, как с крыши прачечной капает вода.

Александр стоял возле своей двери, прижимая рукав к брови.

Юрий присел и собирал деньги.

Одной рукой.

Второй держал под носом скомканные салфетки.

— Не размазывай, — сказал Александр.

Юрий поднял голову.

— Что?

— Деньги. По земле не тяни.

Тот посмотрел на купюру, прилипшую к пальцам.

— Сам собирай.

Голос был глухой, совсем не похожий на прежний.

Александр нагнулся.

Перед глазами поплыл свет вывески.

Он опёрся рукой о крыло, переждал.

Потом поднял две банкноты из лужи.

Они слиплись.

На одной отчётливо отпечатался край протектора.

У аптеки женщина всё ещё держала телефон.

— Вам скорую вызвать?

Александр поднял на неё глаза.

— Не надо.

— У вас лицо всё в крови.

— Разберёмся.

Она некоторое время смотрела на него.

Потом сказала:

— Полицию я уже вызвала.

Александр кивнул.

Он почему-то ожидал, что она извинится.

Женщина вернулась внутрь и закрыла дверь.

Юрий выругался, пытаясь достать купюру из-под заднего колеса.

— Отъедь.

Александр сел за руль.

Повернул ключ.

Двигатель завёлся.

Он подал машину вперёд на полметра.

Юрий поднял мокрые деньги, выпрямился и с трудом забрался на сиденье.

В салоне запахло кровью и грязной водой.

— Сколько? — спросил Александр.

Юрий посмотрел на него с ненавистью.

— Сейчас тебе посчитаю.

Александр сунул собранные купюры в бардачок.

Те, что не помещались, загнул пополам.

Юрий сжал в ладони остатки бумажного пакета.

Ручки ещё держались.

Дна больше не было.

Некоторое время он смотрел на этот обрывок, затем бросил под ноги.

— Зеркало оторвали.

— Вижу.

— И дверь помяли.

Александр включил передачу.

— Сам целый?

Юрий убрал салфетку от носа.

На белой бумаге было слишком много красного.

— Не знаю.

Александр посмотрел на него внимательнее.

Лицо у Юрия начало опухать. Один глаз слезился, губы побелели.

— Сначала к врачу.

— Лоск ждёт.

— Я помню.

Он вывел машину с боковой улицы.

В зеркале осталась женщина у аптеки. Рядом с ней стоял водитель фургона и показывал что-то в телефоне.

Александр вытер бровь ещё раз.

Кровь не останавливалась.

Лущ доехал до следующего квартала, остановился у закрытых ворот и набрал Шершня.

Стас сидел рядом, согнув повреждённую руку.

На заднем сиденье третий мужчина трогал щёку и смотрел в зеркало телефона.

— Что? — спросил Шершень.

— У них пусто.

Ответа не последовало.

Лущ продолжил:

— В салоне нет. Коричневого футляра не видели. Деньги в пакете, полмиллиона примерно.

— Ты машину всю посмотрел?

— Не всю.

Шершень выдохнул в трубку.

— Денис, я тебе что сказал сделать?

— Они на улице встали. Окна, аптека, люди. Драка пошла, телефоны достали. Я не стал там цирк продолжать.

— А начал зачем?

Лущ стиснул зубы.

Стас отвернулся к окну.

— Водительскую открыл, хотел проверить. Саша полез.

— Конечно, Саша полез. А ты шёл мимо.

Лущ не ответил.

Шершень некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Про вещь что сказали?

— У полиции.

— Ты им поверил?

— Я тебе говорю, что сказали.

На заднем сиденье тихо треснул пластик.

Мужчина выругался.

Разбитое зеркало его телефона окончательно разошлось по трещине.

Лущ обернулся.

Одного взгляда хватило, чтобы тот замолчал.

— Деньги откуда? — спросил Шершень.

— Говорят, водителю предлагали.

— И он не взял?

— Они так сказали.

Шершень коротко усмехнулся.

Без веселья.

— Они у него были. Потом с деньгами уехали. А ты видел, чтобы деньги туда привозили?

Лущ посмотрел на Стаса.

Тот отрицательно качнул головой.

С момента, когда Александр с Юрием вошли в подъезд, пакет у них был. Лущ видел его издалека, но что лежало внутри, не знал.

Он уже открыл рот, чтобы сказать это, но Шершень продолжил:

— Лоск что-то купил. Или получил задаток. А теперь они рассказывают про полицию.

— Может, футляр правда отдали этим двоим.

— Тогда почему не сказали сразу, куда везут?

— Сказали: полиция забрала.

— Денис, ты слышишь разницу?

Лущ молчал.

Он слышал.

И одновременно помнил, что Александр именно это и говорил с самого начала.

Но сейчас Шершню нужен был не спор о словах.

— Водитель где? — спросил Лущ.

— Занимаются.

— Если он с ними, может уйти.

— Не уйдёт.

Шершень закончил разговор.

Лущ ещё несколько секунд держал телефон у уха.

Потом положил на панель.

Стас осторожно пошевелил пальцами.

— На базе скажем, что они первые?

Лущ посмотрел на него.

— На базе ты будешь молчать.

На заднем сиденье мужчина перестал трогать щёку.

Лущ завёл двигатель.

Ему больше не хотелось ни яйца, ни денег, ни разговора с Шершнем.

Но после того, как разбил человеку бровь и оставил его посреди улицы, перестать участвовать было уже нельзя.

Александр позвонил Лоску на светофоре.

Юрий сидел, запрокинув голову.

— Не задирай, — сказал Александр.

Тот медленно выпрямился.

Телефон ответил.

— Где вы?

— На нас напали.

В трубке стало тихо.

Александр рассказал коротко.

Две машины.

Лущ.

Требовали пакет.

Драка.

Свидетели.

Он не стал объяснять, кто первым ударил. Сейчас это не имело значения.

— Яйцо у них? — спросил Лоск.

Александр сжал руль.

— У нас его не было.

— Я спрашиваю, они с чем приехали?

— С пустыми руками. Думали, что мы забрали.

Лоск помолчал.

— Врут.

Александр посмотрел на Юрия.

Тот прижимал к лицу очередную салфетку. Чистых оставалось мало.

— Мне бровь рассекли, Юре нос сломали. Мы сначала к врачу заедем.

— Деньги?

Александр на секунду закрыл глаза.

— Пакет порвали. Часть намокла. Собрали, сколько смогли.

— Сколько не хватает?

— Ещё не считали.

— Посчитай.

На светофоре загорелся зелёный.

Сзади посигналили.

Александр отпустил тормоз.

— Сейчас не могу.

— Тогда перезвони, когда сможешь.

Связь прервалась.

Юрий смотрел на него.

— Даже не спросил?

Александр понял, о чём речь.

— Пристегнись.

Юрий потянулся к ремню.

Рука дрожала.

Салфетка упала на колени.

Он нагнулся за ней, поморщился и замер.

Александр убавил скорость.

— Дышать можешь?

— Через рот.

— Вот и дыши. Доедем.

Они проехали перекрёсток.

Справа тянулись освещённые витрины. У входа в круглосуточный магазин двое молодых людей смеялись, разглядывая телефон. Александр поймал себя на мысли, что через час они могут смотреть уже не на шутку, а на запись, где он стоит в крови возле собственной машины.

Номер попал в кадр.

Лица тоже.

Деньги на дороге.

Теперь всё это останется.

Даже если люди удалят запись со своих телефонов, кто-нибудь успеет переслать.

Он повернул к частному медицинскому центру, где умели не задавать лишних вопросов.

У входа затормозил.

Юрий не сразу понял, что приехали.

Сидел, глядя перед собой.

— Выходи.

— Сейчас.

Он взялся за ручку.

Потом остановился.

— Саша.

Александр посмотрел на него.

— Они ведь знали, когда мы уедем.

— Следили.

— И где свернём, знали.

— Нас вели.

Юрий провёл языком по разбитой губе.

— А этот на кухне сидел. Спокойно. Пятьсот тысяч не взял.

Александр ничего не ответил.

Потому что сам всё время возвращался к тому же.

Геннадий боялся.

Он видел.

Но страх ещё ничего не доказывал.

Люди боятся и тогда, когда знают, на что идут.

Лоск стоял у окна служебной комнаты над салоном.

Внизу, за стеклянной дверью, горели витрины. Рабочий день закончился, продавщица давно ушла, но свет он не выключил.

На столе лежали фотографии яйца и раскрытая папка с документами, которые Александр так и не смог предъявить Геннадию.

Документы существовали.

Только к настоящему владельцу яйца отношения не имели.

Сейчас от них было мало пользы.

Лоск ещё раз посмотрел на фотографию водителя.

Обычное лицо.

Усталые глаза.
Куртка, купленная давно и не ради впечатления.
На кухне — дешёвый стол, старый шкафчик, клетка с попугаем.
Ничего, что оправдывало бы происходящее.
Лоск не любил, когда человек выглядел беднее, чем позволяли его возможности.
Это мешало оценке.
Он набрал номер сотрудника, оставленного наблюдать за домом.
Тот ответил шёпотом.
— Я здесь.
— Что у водителя?
— Свет горит. После полиции никто не приходил.
— Он выходил?
— Пока нет.
Лоск посмотрел на часы.
— Смотри внимательно. Если поедет, за ним. Сам не подходи.
— Понял.
Он закончил вызов.
Затем набрал Александра ещё раз.
Долго никто не брал.
Наконец послышалось:
— Я у врача.
— Адрес водителя кому давал?
— Никому.
— Лущ знал, откуда ты едешь.
— Он нас вёл.
— С какого места?
Александр ответил не сразу.
— После проспекта заметил. Раньше мог не увидеть.
Лоск провёл пальцем по фотографии.
Не по яйцу.
По руке Геннадия, попавшей в край снимка.
Короткие ногти.
Царапина.
Рабочая рука.
— Пакет он видел?
— Да.
— Деньги?
— Не показывали.
— Но сумму знал.
— Знал.
Лоск помолчал.
— Он про Савелия сам спросил?
— Сам. Когда мы уже сидели.
— После какого разговора?
— Ему сообщение пришло. Потом спросил.
Лоск медленно положил ладонь на стол.
— Понятно.
— Что понятно?
— Лечись.

Он отключился.

Стало не легче.

Если водитель действовал по указанию Шершня, зачем вывел на себя людей Лоска?

Чтобы получить предложение.

Чтобы выяснить, кто приедет.

Чтобы показать, что товар у него.

Потом отдал яйцо двум полицейским.

Настоящим?

Машина служебная.

Удостоверения настоящие.

Вызов зарегистрирован.

Значит, либо они ничего не понимают, либо понимают больше остальных.

Лоск не собирался строить планы на том, что вооружённые люди в форме могут оказаться дураками.

Удобнее было считать их участниками.

Он достал чистый лист.

Написал фамилии Туманова и Кулеша.

Ниже — Геннадий Плющ.

Сбоку — Шершень.

Пока ничего не соединял.

Телефон зазвонил раньше, чем он взялся за ручку.

Наблюдатель у дома.

— Что?

— Водитель вышел.

Лоск выпрямился.

— Один?

— Да. К машине пошёл. Тут его ждали.

На другом конце послышался шорох.

Потом голос стал глуше.

— Его взяли. Втроём. В машину посадили.

Лоск не двигался.

— Он сопротивлялся?

— Дёрнулся. Быстро всё. Один сзади подошёл.

— Машина какая?

Наблюдатель назвал цвет, марку, продиктовал номер.

Лоск записал.

Одну цифру переспросил.

— За ними.

— Я сейчас выеду.

— Не потеряй.

Связь оборвалась.

Лоск посмотрел на только что записанные фамилии.

Во время нападения на его людей водитель ещё был дома.

Через несколько минут его забрали.

Слишком близко по времени.

Шершень заставил Александра остановиться, проверил машину, убедился, что яйца там нет, и вывез Геннадия.

Или Геннадий, убедившись, что полицейские ушли с находкой, сам дал знать, что можно начинать.

Наблюдатель сказал: дёрнулся.

Что это доказывало?

Человек мог изображать сопротивление.

Мог не знать, кто подошёл сзади.

Мог просто не любить, когда с ним грубо обращаются.

Лоск перечитал номер автомобиля.

Позвонил одному из своих водителей.

Тот узнал машину без долгих расспросов.

— Шершневская. Они на ней людей возят. Только номер ещё раз скажите.

Лоск повторил.

— Она.

Он положил телефон.

Теперь на листе можно было провести первую линию.

Но вместо этого Лоск скомкал бумагу.

Его люди были избиты.

Деньги валялись на дороге.

Яйцо увезли полицейские.

Шершень забрал единственного человека, который мог объяснить, как всё это произошло.

А сам Геннадий ещё час назад просил показать документы и уверял, что ему ничего не нужно.

Лоск подошёл к окну.

Внизу по мокрому тротуару шёл мужчина с пакетом продуктов. Остановился у витрины, посмотрел на старинные часы и двинулся дальше.

Обычный человек.

Водитель тоже выглядел обычным.

Слишком долго.

Телефон снова ожил.

Наблюдатель сообщал, в какую сторону ушла машина.

Лоск выслушал, уточнил улицу и сказал:

— Дальше не приближайся. Увидишь ворота — запоминай. Внутрь не лезь.

Потом набрал другой номер.

— Собери людей. Возле салона не стойте, подъедете с задней стороны.

Ему что-то ответили.

Лоск посмотрел на фотографию яйца.

— Нет, Саша с Юрой сегодня больше не поедут.

Он убрал телефон от уха, но не отключил сразу.

На экране оставалась фотография Геннадия.

Мужчина у моря придерживал ворот куртки и улыбался дочери.

Лоск вернул аппарат к уху.

— И водителя мне не трогать. Пока не поговорю.

Пауза.

— Он сейчас у Шершня. Надо понять, что именно они поделили.

ГЛАВА V. РАЗГОВОР О МЕБЕЛИ

Человек, который знает, где у вас скрипит шкаф, ещё не обязательно знает слишком много.

Геннадий понял, что приехали, когда сидевший слева мужчина убрал руку с его плеча.

До этого машина дважды останавливалась на светофорах, потом долго ехала по неровной дороге. За затемнённым стеклом проплывали фонари, заборы, какие-то низкие здания. Один раз Геннадий узнал поворот к грузовой станции, но после следующего перекрёстка уже не мог сказать, где находится.

Телефон у него забрали.

Ключи тоже.

Он сидел, прижав ладонь к боку, и старался дышать неглубоко. Под рёбрами болело при каждом вдохе. Если не двигаться, терпеть было можно.

Машина остановилась.

Снаружи гулко лязгнул металл. По светлой полосе на потолке салона прошла тень.

Ворота.

Геннадий повернул голову к окну, но мужчина справа толкнул его в плечо.

— Прямо смотри. Приехали уже.

Автомобиль проехал ещё немного и встал окончательно.

Несколько секунд никто не выходил.

Геннадий слышал работающий двигатель и далёкий частый стук, словно кто-то бил небольшим молотком по железной трубе.

Потом дверь слева открылась.

— Вылезай.

Он попытался развернуться, но затёкшая нога не послушалась. Колено упёрлось в спинку переднего сиденья.

Мужчина взял его за рукав и потянул.

— Я сам, — сказал Геннадий. — Подождите, нога…

Рывок пришёлся как раз на больной бок.

Воздух перехватило.

Он выбрался, наступил на мокрый гравий и на секунду согнулся.

Никто не дал ему выпрямиться спокойно. Ладонь легла между лопаток и подтолкнула к освещённой двери.

Двор был заставлен машинами.

Геннадий увидел два эвакуатора, легковушку без переднего бампера, тёмный фургон у дальнего забора. За высокими воротами глухо шумела дорога. Над кирпичным зданием светился фонарь, вокруг которого кружили мелкие насекомые.

Из открытого бокса пахло маслом, нагретой резиной и сваркой.

Он знал такие места.

Не это конкретное, а вообще.

Здесь хранили вещи, которые потом оказывались в гаражах и на складах. Здесь всегда были люди, умеющие за полчаса починить то, что в официальном сервисе требовало двух недель. И здесь лучше было заранее выяснять, сколько будет стоить работа.

Сейчас выяснять было нечего.

Его вели.

У бокса стоял мужчина в синей спецовке. Курил, прикрыв сигарету ладонью от ветра. При виде Геннадия он отвёл глаза и занялся телефоном.

Геннадий посмотрел на него с такой надеждой, что самому стало стыдно.

Мужчина не поднял головы.

— Давай, — сказали сзади.

Дверь открылась в узкий коридор.

По правой стене тянулись трубы. Под ними стояли пластиковые канистры, старая раковина и коробка с рабочими перчатками. На полу лежал резиновый коврик с продавленными следами.

Дальше начиналась лестница.

Геннадий взялся за перила.

— Быстрее.

Он сделал два шага и остановился.

— Мне дышать больно.

Тот, кто шёл впереди, обернулся.

— Значит, молчи.

Наверху пахло кофе и разогретой едой.

Это почему-то испугало сильнее, чем масло внизу.

За одной дверью негромко работал телевизор. На подоконнике стоял цветочный горшок с засохшим растением. Рядом лежал календарь за прошлый год.

Обычное рабочее место.

Люди приходили сюда утром, пили чай, решали вопросы, уезжали домой.

И приводили тех, кто им мешал.

Дверь в конце коридора открыли без стука.

— Привезли.

Мужчина за столом поднял голову.

Он был без пиджака, в тёмной рубашке с расстёгнутым воротом. Плотный, широколицый, с короткими волосами, начинавшими седеть у висков. На столе перед ним лежали два телефона, пачка сигарет и раскрытая папка.

Взгляд у него был не сердитый.

Раздражённый.

Так Константин Сергеевич смотрел на документы, в которых опять не сходилась сумма.

— Садись, — сказал мужчина.

Геннадий остановился у двери.

Его подтолкнули.

Стул стоял перед столом, немного в стороне от лампы. Обычный офисный, с тканевой обивкой и потёртыми подлокотниками.

Геннадий сел осторожно.

Бок сразу отозвался.

Мужчина заметил, как он поморщился, и перевёл глаза на стоявшего у двери.

— Что с ним?

— Нормально всё.

— Я вижу, что нормально. Спрашиваю, что с ним.

— Сопротивлялся.

Геннадий поднял голову.

— Я из подъезда вышел. Мне сказали, дверь у машины…

Ладонь опустилась ему на затылок.

Не ударила, но прижала голову чуть вперёд.

— Когда спросят.

Мужчина за столом посмотрел на эту руку.

— Убери.

Давление исчезло.

Геннадий медленно выпрямился.

— Здесь я спрашиваю, — сказал хозяин комнаты.

Он произнёс это не для Геннадия.

Тот услышал.

От этого легче не стало.

Человек, который может остановить чужую руку одним словом, может и не останавливать.

Мужчина взял с края стола паспорт Геннадия.

Значит, документы тоже успели вытащить из карманов.

Паспорт он развернул не сразу. Сначала посмотрел на потёртую обложку.

— Геннадий Плющ.

— Да.

— Где яйцо?

Геннадий сжал пальцы на подлокотниках.

Он повторял это уже несколько раз.

В машине.

Во дворе.

На лестнице, когда спрашивал, зачем его ведут наверх.

Но сейчас впервые казалось, что ответ действительно выслушают.

— У полиции. Сегодня забрали. Я расписку получил.

Мужчина открыл паспорт.

Сверил фотографию с лицом.

— Какой полиции?

— Двое приезжали. Лейтенант Туманов и сержант Кулеш. Они по вызову.

— Кто вызвал?

— Я.

Мужчина закрыл паспорт.

— Зачем?

Геннадий посмотрел на него.

Вопрос был задан совершенно серьёзно.

— Ко мне двое приехали. Говорят, что вещь их. А документов нет. Потом деньги начали предлагать. Я…

— Какие двое?

— Александр. Фамилия на визитке была. И Юрий.

Мужчина откинулся на спинку кресла.

Теперь он смотрел иначе.

— Сколько предлагали?

— Сначала триста пятьдесят. Потом пятьсот.

— Тысяч?

Геннадий кивнул.

— Ты не кивай. Говори.

— Тысяч. Я не взял.

Один из стоявших за спиной тихо выдохнул носом.

Геннадий не обернулся.

Мужчина за столом покрутил в пальцах паспорт.

— Не взял, — повторил он. — Вещь нашёл, деньги не взял, полицию вызвал.

— Всё так.

— А потом отдал.

— Да.

— Чужим людям.

— Полицейским.

Мужчина некоторое время смотрел на него.

Потом положил паспорт на стол.

— Меня Роман зовут.

Геннадий молчал.

— Чтобы понимал, с кем разговариваешь.

Он не протянул руки.

Не спросил, удобно ли сидеть.

Просто сообщил имя, как сообщают адрес, по которому теперь придётся ездить.

Геннадий опустил взгляд.

На краю стола лежали его ключи. Связка от квартиры, отдельный ключ от фургона, пластиковый брелок магазина.

Рядом — телефон.

Так близко, что можно было дотянуться.

Он не пошевелился.

— Роман, я ничего не присваивал. Я пакет вечером в кузове увидел. До этого весь день…

— Где Савелий?

Геннадий замолчал.

Роман подался вперёд.

— Вот теперь внимательно. Не про пакет. Не про вечер. Где человек, который тебе вещь передал?

— Он мне ничего не передавал.

За спиной скрипнула подошва.

Геннадий почувствовал, как напряглась шея.

— Он на дороге был, — продолжил он быстрее. — На проверке. У меня документы смотрели, у него тоже. Потом его к полицейской машине повели. Он ещё ручку…

— Какую ручку?

— Мою. Попросил что-то записать. Я дал. Потом он вернуть хотел, но его не пустили. Сказали мне ехать.

Роман смотрел не мигая.

— И всё.

— Всё.

— Откуда знаешь, что Савелий?

— Полицейский назвал. Имя и фамилию. Рябец, кажется.

— Не кажется.

Геннадий сглотнул.

— Рябец.

Роман встал.

Кресло мягко откатилось назад.

Он обошёл стол, остановился возле окна и на несколько секунд посмотрел во двор.

Геннадий видел его отражение в стекле.

Стоявший у двери мужчина чуть сдвинулся.

Теперь выход оказался совсем за его плечом.

— Ты кем работаешь? — спросил Роман.

— Водителем. Мебель развожу. Иногда собираю.

— На белой машине?

— Да. Она магазинная.

— Вижу, что не твоя.

Он повернулся.

— Сколько получаешь?

Геннадий назвал.

Роман посмотрел на него.

Потом на телефон.

— И полмиллиона не взял.

— Потому что непонятно, за что.

— За вещь.

— Она не моя.

Роман приблизился.

Встал сбоку от стула, так что Геннадию пришлось поднять голову.

— А моя.

Геннадий посмотрел в лицо.

Тот говорил без сомнений.

Как Александр.

Как человек в переписке.

У всех находки оказывались свои.

— Мне вы тоже писали? — спросил он.

Роман чуть наклонил голову.

— Ты сейчас вопросы задаёшь?

Геннадий опустил глаза.

— Я просто пытаюсь понять.

— Понимай вот что. У меня пропал дорогой предмет. Потом я вижу его у тебя на кухне. Человек, который должен был привезти, исчез. Ты называешь его по имени, но говоришь, что не знаешь. Вещь отдал каким-то двоим. Бумаги у тебя нет.

— Она дома.

— Здесь её нет.

Роман положил ладонь на спинку стула.

— Значит, пока у меня есть только твои слова.

Геннадий почувствовал, как под рубашкой стало холодно.

В комнате было тепло.

Даже слишком.

За закрытой дверью кто-то прошёл по коридору, негромко кашлянул.

Он вдруг понял, что никто не знает, где он.

Туманов думает, что он в квартире.

Начальник думает, что он дома.

Дочь в воскресенье собирается встретиться.

И если он сейчас будет говорить недостаточно убедительно, все продолжат думать то же самое ещё очень долго.

— Можно за распиской съездить, — сказал Геннадий.

Роман убрал руку со стула.

— Можно.

Геннадий поднял глаза.

— Только ты пока здесь посиди.

Роман вернулся за стол.

— Адрес мы знаем. Ключи есть. Найдут.

Геннадий посмотрел на свою связку.

В квартире остался Петрович.

На кухне горел свет.

На столе лежали бумаги.

Не нужно пускать туда этих людей.

— Я сам покажу. Там среди квитанций, они могут…

— Найдут, сказал.

Геннадий сжал губы.

Роман заметил.

— Что?

— Там птица.

Один из стоявших за спиной усмехнулся.

— Ещё чего?

Геннадий почувствовал злость, неожиданную и совершенно неуместную.

— Попугай. В клетке. Его нельзя…

Он замолчал.

Роман смотрел внимательно.

Слишком внимательно.

— Нельзя что?

— Пугать. И выпускать. Он может укусить.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Роман перевёл взгляд на мужчину у двери.

— Слышал?

Тот кивнул.

— Попугая не трогать.

Геннадий не понял, издевается он или действительно распорядился.

Роман взял телефон пленника.

Экран оставался тёмным.

— Открой.

Геннадий потянулся за аппаратом.

Мужчина справа шагнул ближе.

Роман поднял палец.

Тот остановился.

Телефон лег Геннадию на колени.

Пальцы плохо слушались. Он дважды промахнулся, потом экран загорелся.

На заставке были море и дочь.

Роман увидел.

Геннадий сразу открыл список вызовов.

Слишком быстро.

Роман ничего не сказал, но отвёл глаза от фотографии не сразу.

— Последний от Туманова, — произнёс Геннадий. — Перед звонком начальника. Он сам звонил, сказал никуда…

Он остановился.

Роман протянул руку.

— Давай.

Телефон забрали.

Геннадий остался смотреть на пустые ладони.

Нельзя было выходить.

Просто не нужно было выходить из квартиры.

Пусть бы горела лампа в кузове. Пусть бы аккумулятор сел. Пусть бы Константин Сергеевич кричал утром до обеда.

Это было бы обычное утро.

Он готов был отдать за такое утро всё, что имел.

Роман открыл сообщения.

Посмотрел одну переписку, вторую.

Свой анонимный профиль узнал сразу.

Потом увидел разговор с Александром.

Вопросы о механизме.

Просьбу подтвердить право собственности.

Адрес.

Уголок его рта дёрнулся.

— Ты их домой позвал.

— Они сказали, документы привезут.

— Привезли?

— Визитку.

Мужчина за спиной снова усмехнулся.

Роман поднял глаза.

— Весело?

Усмешка исчезла.

Роман вернулся к экрану.

— Пишешь мне: «Не отдам без подтверждения». Потом эти приезжают, и вещь уходит. Красиво.

— Не им ушла. Полицейским.

— Которых ты вызвал.

— Потому что эти меня…

— Я помню, что ты сказал.

Роман положил телефон экраном вниз.

Тяжёлый корпус тихо стукнул о дерево.

Геннадий вздрогнул.

Шершень заметил.

Пока он видел перед собой человека, который боялся.

Это было очевидно.

Сидел слишком прямо, следил за руками, вздрагивал от звуков.

Но страх не отвечал ни на один вопрос.

Роман знал людей, которые плакали перед делом и потом делали всё, за что им платили. Знал тех, кто мог спокойно разговаривать, пока рядом избивали другого, а после не спал трое суток из-за собственного синяка.

Внешность мало помогала.

Этот выглядел водителем.

У него даже на рукаве засохла мебельная пыль.

Но вещь оказалась у него.

А на простые вопросы он отвечал так, что становилось только хуже.

Дверь открылась.

Вошёл Лущ.

Геннадий не знал его имени, но сразу заметил согнутую руку и тёмное пятно на манжете.

Лицо у вошедшего было злое, усталое.

Он посмотрел на Геннадия.

— Этот?

Роман кивнул.

Лущ подошёл ближе.

Геннадий вжался в спинку.

Не специально.

Тело сделало это раньше, чем он подумал.

Лущ остановился у стола и положил здоровую руку на край.

— Сашу с Юрой знаешь?

— Сегодня увидел.

— Да ладно.

Геннадий посмотрел на Романа.

Тот не вмешивался.

— Они ко мне приехали по объявлению. Я…

— Что ты им отдал?

— Ничего.

Лущ наклонился.

Геннадий увидел мелкую царапину у него под глазом.

— Послушай меня. У меня рука сейчас плохо сгибается. Я из-за тебя в этой истории оказался. Не надо мне рассказывать, что ничего.

— Я не знаю, что у вас случилось.

Лущ выпрямился.

Посмотрел на Романа.

— Не знает он.

Роман подвинул к нему пачку сигарет.

— Сядь.

— Я бы ему сейчас…

— Денис.

Одного имени хватило.

Лущ отошёл к стулу у стены.

Сел, придерживая руку.

Геннадий смотрел на него и пытался понять, что ещё успело произойти за этот вечер.

Александр.

Юрий.

Деньги.

Какая-то драка.

Они действительно все знали друг друга.

Только он никого.

— У них полмиллиона было, — сказал Лущ.

Роман посмотрел на Геннадия.

— Слышишь?

— Они с деньгами приехали.

— Ты видел?

— Не видел. Пакет был.

— Значит, не видел.

Геннадий почувствовал беспомощность, от которой захотелось говорить громче.

Любое слово здесь можно было повернуть.

Скажешь «не знаю» — скрываешь.

Расскажешь подробность — откуда знаешь?

Назовёшь свидетеля — значит, знакомый.

— Я могу только сказать, как было, — произнёс он.

Роман некоторое время молчал.

Потом наклонился к нему через стол.

— А я могу сделать так, что домой тебя придётся нести. И мне тоже потом скажут, что никто ничего не видел.

Геннадий перестал двигаться.

Лущ смотрел в сторону.

Мужчина у двери поправил рукав.

Никто не удивился.

Не вмешался.

Не сказал, что это лишнее.

И Геннадий понял, что угроза не была частью разговора.

Она была одним из возможных решений.

Он сглотнул.

— У меня вещь забрали. Я не могу отдать то, чего нет.

Голос прозвучал тихо.

Роман смотрел на него ещё несколько секунд.

Потом откинулся назад.

— Воды ему дай.

Мужчина у двери взял пластиковый стакан.

Налил из кулера.

Поставил перед Геннадием.

Тот не сразу решился взять.

— Пей, — сказал Роман. — Сейчас ты мне всё сначала расскажешь.

Вода оказалась холодной.

Первый глоток прошёл с трудом.

Второй помог.

Геннадий поставил стакан, стараясь не расплескать.

— С утра я был на трёх адресах…

— С проверки начинай.

Он начал с проверки.

Рассказал про открытую заднюю дверь, зеркало, накладную, ремень, который попал между створкой и кузовом.

Про мужчину, попросившего ручку.

Про то, как полицейский назвал его по имени.

Про пакет у колёсной арки.

На этот раз Роман не перебивал.

Только один раз спросил, с какой стороны стояла машина Савелия.

Геннадий показал рукой.

Потом рассказал, как обзванивал клиентов, писал в рабочий чат, открывал футляр.

— Я саму шкатулку не трогал. Снаружи посмотрел и убрал. Там выступ такой есть, я ещё подумал…

Роман поднял ладонь.

— До объявления.

Геннадий кивнул.

Объявление.

Два хозяина.

Александр.

Двор.

Фонарь.

Он рассказывал медленно, потому что иначе путался.

Приходилось возвращаться и уточнять, что сначала он вынес картон, а уже потом позвонил Князевым.

Роман терпел.

Лущ начал нетерпеливо двигать ногой.

— Ты до завтра будешь слушать?

Роман даже не повернулся.

— Можешь выйти.

Лущ перестал двигаться.

Геннадий дошёл до предложения денег.

Потом до полиции.

На словах о том, как Юрий сжал запястье, Роман кивнул на руку.

— Покажи.

Геннадий поднял рукав.

Красные полосы уже побледнели, но там, где давили пальцы, начинали проступать тёмные пятна.

Роман посмотрел.

— Юра любит руками объяснять.

Сказано было почти буднично.

Геннадию стало дурно.

Они обсуждали человека, который причинил ему боль, как обсуждают мастера с привычкой перетягивать гайки.

— Что полицейские записали? — спросил Роман.

Геннадий перечислил.

— И про Савелия?

— Да.

Лущ посмотрел на него с новой неприязнью.

— Ты ещё и это им…

Роман резко повернул голову.

Лущ замолчал.

Геннадий опустил рукав.

Он уже не знал, о чём безопаснее говорить.

Правда обрастала вокруг него последствиями, о которых он понятия не имел.

Роман снова взял телефон.

Посмотрел на фотографию яйца в объявлении.

Потом на время публикации.

Его собственный аппарат завибрировал.

Он ответил.

— Да.

Слушал долго.

Геннадий не пытался разбирать чужие слова, но несколько всё равно донеслись: «с проверки», «эвакуировали», «водителя увезли».

Роман посмотрел на него.

— Когда?

Пауза.

— Машину где держат?

Он записал что-то на обороте листа.

— Внутрь не лезьте пока. Сначала узнайте, кто забирал.

Звонок закончился.

В комнате стало слышно, как внизу работает компрессор.

Роман положил телефон.
— Машину Савелия увезли с дороги, — сказал он.
Лущ поднял голову.
— В отдел?
— На площадку. Его самого забрали раньше.
Геннадий невольно подался вперёд.
— Я же говорил.
Произнёс — и сразу пожалел.
Роман посмотрел на него.
— Что ты говорил?
— Что его полиция увела.
— Это я слышал.
Он постучал пальцем по столу.
— Теперь объясни, почему из всех машин пакет оказался именно в твоей.
Геннадий открыл рот.
Закрыл.
Ответить было нечего.
Он мог предположить.
Открытая дверь.
Кузов рядом.
Пакет легко спрятать под картон.
Но от предположения ничто не менялось.
— Не знаю, — сказал он.
Роман кивнул.
Будто именно этого и ждал.
Лущ встал.
— Я поеду. Стас внизу ждёт.
Роман остановил его:
— Машину Саши где оставили?
— Они уехали.
— Куда?
— Не за ними шёл.
Роман посмотрел на него так, что Геннадий отвёл глаза.
Лущ сказал уже тише:
— Я узнаю.
— Узнай.
Он вышел.
В коридоре раздались шаги.
Потом дверь закрылась.
Геннадий провожал её взглядом и вдруг заметил над низким шкафом фотографию.
Небольшую, в тёмной рамке.
Мужчина за столом, женщина рядом, двое детей.
Домашний снимок.
На заднем плане виднелась широкая прихожая и шкаф с тёмными дверями. Одна дверь была приоткрыта, в зеркале отражалась лестница с деревянными перилами.
Геннадий смотрел несколько секунд.
Потом перевёл взгляд на Романа.
Тот заметил.
— Что?

Геннадий не ответил сразу.

Память наконец соединила лицо с местом.

Тогда хозяин приехал уже к концу сборки. Разговаривал по телефону во дворе и только потом вошёл, прошёл через прихожую, остановился у шкафа.

Он был в другой одежде.

И Геннадий смотрел в основном на двери, потому что верхняя направляющая не давала выставить их ровно.

— Я у вас был, — сказал он.

Роман не пошевелился.

— Где?

Геннадий кивнул на фотографию.

— Дома. Шкаф собирал.

Мужчина у двери поднял голову.

Роман посмотрел на рамку.

Потом снова на Геннадия.

— Когда?

— Весной. Кажется, в апреле. Точно не скажу. Там ещё дождь был, мы боковины под навесом распаковывали.

Он говорил осторожно.

Наконец появилась хоть какая-то общая точка.

Что-то настоящее, понятное.

Он не человек с чужим яйцом.

Он водитель из магазина.

Он уже бывал у этого мужчины, работал в его доме, всё сделал, ничего не украл.

Роман молчал.

Геннадий продолжил:

— На втором этаже, у лестницы. Шкаф встроенный. Две тёмные двери, средняя зеркальная. Вы ещё просили, чтобы без ручек.

Роман медленно выпрямился.

— Я тебя не помню.

— Вы поздно приехали. С вашей женой в основном договаривались.

Воздух в комнате словно стал плотнее.

Геннадий почувствовал это не сразу.

Он уже вспомнил заказ.

Узкую лестницу.

Неудобный поворот.

Плитку, которую приходилось закрывать одеялами, чтобы не поцарапать.

— Мы втроём поднимали. Я с Витей, потом ещё ваш человек помог. Там длинная боковина в поворот не проходила.

Роман встал.

Не резко.

От этого Геннадий замолчал.

— Кто тебя послал? — спросил он.

Геннадий поднял глаза.

— В смысле?

— Кто велел про дом заговорить?

Мужчина у двери уже стоял ближе.

Геннадий увидел его руку на спинке соседнего стула.

— Никто не велел. Я фотографию увидел.

Роман подошёл вплотную.

— Про жену ты сейчас зачем сказал?

Геннадий почувствовал, как пересохло во рту.

— Потому что она заказ принимала.

— Имя помнишь?

— Нет.

— Не помнишь?

— Мы по имени-отчеству… Я много где…

Он запутался и остановился.

Роман наклонился.

— Смотри на меня.

Геннадий поднял голову.

— Ещё раз спокойно объясни. Ты оказался с моей вещью. Устроил встречу с людьми Лоска. Вызвал двух знакомых полицейских. А теперь рассказываешь, как у меня дома ходил.

— Я работал.

— Я слышу.

— Заказ в магазине был. Можете спросить.

— Уже спрашивали в твоём магазине.

Геннадий замер.

Так вот кто звонил Константину Сергеевичу.

— Поэтому он мне и…

Он не договорил.

Роман заметил.

— Кто тебе?

— Начальник. Он сказал, ему звонят, меня спрашивают.

— И ты после этого вышел из дома.

Геннадий посмотрел на него с отчаянием.

Каждая новая подробность снова становилась против него.

— Мне сказали, дверь в фургоне открыта.

Роман молчал.

Мужчина за его плечом тихо хмыкнул.

Геннадий повернулся к нему:

— Вы же сами сказали.

Тот перестал улыбаться.

Роман медленно обернулся.

— Выйди.

— Я…

— Выйди.

Дверь закрылась.

В комнате остался второй мужчина, стоявший сбоку у шкафа.

Геннадий не помнил, когда тот успел туда перейти.

Роман вернулся к столу.

Не сел.

Взял стакан, посмотрел, сколько осталось воды.

Поставил.

— Допустим, собирал, — произнёс он. — Что помнишь?

Геннадий не понимал, это проверка или новая ловушка.

Но молчать тоже было нельзя.

— Пол там неровный у стены. Мы нижнюю часть подгоняли, чтобы зазор не пошёл. Правая боковина у вас не к стене примыкает, а к коробу. За ним труба.

Роман смотрел на него.

— Дальше.

— Внизу ещё один шкаф. В прихожей. Вы его не у нас брали, но жена попросила дверь посмотреть. Она цепляла.

— И ты посмотрел.

— Там петля просела. Подтянул.

Геннадий говорил всё тише.

Теперь ему самому казалось, что он перечисляет чужие слабые места.

Вход.

Лестница.

Двери.

Люди дома.

— Ещё что делал?

— Ничего.

Роман провёл ладонью по подбородку.

— Куда заходил?

— Где шкаф, там и был.

— В спальни?

— Нет.

— На кухню?

— Воды давали.

Снова пауза.

Геннадий вдруг очень захотел вернуться на ту лестницу весной.

С тяжёлой боковиной.

С Витей, который ругался на поворот.

С одеялами на полу.

Тогда хозяин был просто заказчиком, которому не понравилась щель в два миллиметра.

Геннадий ещё подумал: придирчивый человек.

Как мало он, оказывается, понимал в людях.

Роман сел.

Смотрел теперь по-другому.

Не поверил.

Просто начал учитывать ещё что-то.

— То есть дом ты знаешь.

Геннадий опустил глаза.

— Я знаю шкаф.

Роман некоторое время молчал.

Потом неожиданно спросил:

— Почему дверца наверху сама отъезжает?

Геннадий поднял голову.

Вопрос был такой обычный, что он не сразу нашёл ответ.

— Зеркальная?

— Средняя.

— Если сама, значит, направляющая ушла. Там основание нужно смотреть.

— Ты же делал.

— Я выставил. Она не должна была.

— Теперь должна?

— Если пол просел или подкладку выдавило, могла уйти.

Роман смотрел.

Геннадий почувствовал знакомую профессиональную досаду.

— Я говорил, тяжёлое в край не ставить. Там полка длинная, без средней опоры. Витя предлагал стойку, но вам не понравилось, что место делит.

Он замолчал.

Роман тоже.

В стороне негромко кашлянул оставшийся мужчина.

Он сразу отвернулся.

Геннадий понял, что опять сказал не то.

О человеке за столом сейчас лучше было говорить как можно меньше.

Даже если речь шла о полке.

Роман посмотрел на фотографию.

Потом на Геннадия.

— Хорошая память для случайного водителя.

— Я такие вещи помню. Потом же мне переделывать, если что.

— А людей?

Геннадий не ответил.

— Людей хуже помнишь, — произнёс Роман. — Савелия не знаешь. Сашу первый раз увидел. Туманова сегодня встретил.

— Так и есть.

— Удобно.

Геннадий сжал пальцы.

— Мебель нельзя на углу оставлять, — сказал он вдруг.

Роман нахмурился.

— Что?

Геннадий кивнул на низкий шкаф у стены.

Под одной ножкой торчал обломок пластиковой панели, явно подложенный вместо опоры.

Он заметил его ещё при входе.

Просто теперь взгляд сам зацепился за понятную вещь.

— У вас здесь. Если на край наступят или тяжёлое поставят, сломается. Лучше целую подкладку.

Роман посмотрел на шкаф.

Потом на мужчину возле него.

Тот переставил ногу.

На несколько секунд в комнате возникло что-то похожее на замешательство.

Геннадий почувствовал себя ещё глупее.

Его могли избить.

Могли не отпустить.

А он объяснял, как ставить мебель.

Но когда люди говорили о шкафах, он хотя бы понимал, где ошибка.

Роман снова взял его телефон.

— Туманова сколько знаешь?

— Сегодня приехал.

— Фамилию сразу запомнил.

— Он представился. И в расписке написал.

— Номер откуда?

— Позвонил мне после. Я сохранил.

Роман открыл список вызовов.
Прочитал.
Поднял глаза.
— О чём говорил?
— Про мужчину на дороге. И чтобы я никуда не выходил.
— А ты вышел.
Геннадий ничего не сказал.
Роман смотрел на него долго.
Потом положил телефон рядом с ключами.
— Ладно.
Это слово не означало ничего хорошего.
Просто один разговор закончился, и сейчас должен был начаться другой.
Роман выдвинул ящик, достал чистый лист и подвинул к Геннадию.
Рядом положил ручку.
— Пиши, где расписка.
Геннадий взял ручку.
Обычная.
С прозрачным корпусом и синим колпачком.
Он вспомнил, как отдал свою Савелию.
Одна ручка осталась там.
Другую ему давал Кулеш.
Теперь третья.
День можно было проследить по чужим ручкам.
Геннадий написал: «На кухонном столе, возле сахарницы».
Потом добавил: «Белый лист, сложен пополам».
Роман прочитал.
— Больше никаких бумаг по вещи?
— Только сообщения.
— Деньги где?
Геннадий поднял голову.
— Какие деньги?
— Которые взял.
— Я не брал.
Роман не повысил голоса.
— Подумай.
— Мне не о чем думать. Я не брал.
Оставшийся мужчина отошёл от шкафа.
Подошёл сзади.
Геннадий почувствовал его рядом и перестал сжимать ручку.
Роман посмотрел на пустую часть листа.
— Значит, писать нечего.
— Нечего.
Мужчина положил ладонь Геннадию на плечо.
Тяжело.
Не сжимая.
Геннадий смотрел на ручку, стараясь не поднимать глаз.
Если сейчас ударят, он не должен упасть на больной бок.
Эта мысль возникла ясно и буднично.
Он заранее подвинул ногу.

Роман заметил.

Несколько секунд смотрел на него.

Потом махнул рукой.

Ладонь исчезла.

— Отойди.

Геннадий остался сидеть.

Он не почувствовал облегчения.

Только понял, что способен испугаться ещё сильнее, чем думал.

Роман забрал лист.

Сложил.

— За машиной пошлите, — сказал он человеку у двери. — Белый фургон. Ключ отдельный, с магазинным брелком. Сюда перегнать.

Тот подошёл к столу.

Геннадий поднялся прежде, чем успел подумать.

— Машину не надо.

Мужчина сразу повернулся к нему.

Геннадий замер.

Роман смотрел снизу вверх.

— Сядь.

Он сел.

— Она не моя.

— Ты уже говорил.

— На магазине. Меня за неё…

Роман молчал.

Геннадий услышал собственное дыхание.

Снова слишком громкое.

— Сидеть тебе за другое придётся, если не вспомнишь, куда дел вещь, — сказал Роман. — За машину пока не переживай.

Человек взял ключ.

Квартирную связку оставил.

— И бумагу, — добавил Роман.

Лист исчез в кармане.

Геннадий посмотрел на дверь.

Теперь туда поедут.

В его квартиру.

Где остался Петрович, где дочь оставляла на полке старый альбом, где на столе лежала кружка с отколотым краем.

Он привёл туда Александра сам.

Эти уже пойдут без приглашения.

Роман дождался, пока дверь закроется.

Потом взял сигарету.

Не закурил.

Просто повертел в пальцах.

— Сейчас будет просто, — сказал он. — Звонишь своему полицейскому.

Геннадий посмотрел на телефон.

— Он не мой.

— Назовём знакомым.

— Я его сегодня увидел.

— Тем легче. Не успел надоесть.

Роман положил сигарету.

— Говоришь, что возник вопрос по находке. Дальше я.

— Он поймёт, что меня…

Геннадий остановился.

Роман смотрел спокойно.

— Что тебя?

Слова застряли.

Похитили.

Привезли.

Не выпускают.

Всё это было правдой.

И ни одно слово сейчас нельзя было произнести.

Роман подался вперёд.

— Ты привёз к себе людей Лоска, потом передал вещь двоим в форме. Теперь пришло время поговорить со мной. Только без спектакля.

Геннадий почувствовал, как во рту снова стало сухо.

— Если яйцо уже в отделе…

— Он скажет.

— Они же забрали на проверку.

— Вот и проверим.

Роман повернул к себе телефон.

Номер нашёл быстро.

Геннадий смотрел на экран и понимал, что сейчас услышит голос человека, который ещё совсем недавно стоял у него в прихожей и говорил, что нужно ждать до утра.

Нельзя было выходить.

Нельзя было открывать.

Нельзя было думать, что всё закончилось, потому что закрылась дверь за первыми.

Роман нажал на имя Туманова.

Потом включил громкую связь.

На столе, между ключами от квартиры и чужим паспортом, прозвучал первый гудок.

ГЛАВА VI. ПО УЧЕБНИКУ

Переговоры особенно удобны, когда каждый уверен, что обманывает другого.

Туманов уже собирался убрать телефон, когда на экране появилось имя Геннадия.

Они стояли через дорогу от антикварного салона. Витрины ещё светились, хотя табличка на двери сообщала, что магазин закрылся больше часа назад. За стеклом поблёскивали серебряные подсвечники, темнела деревянная фигурка всадника, белело фарфоровое блюдо.

Всё выглядело слишком спокойно для места, связанного с похищением вещи за восемнадцать миллионов долларов.

Кулеш сидел за рулём и смотрел на часы.

Один адрес они уже проверили.

Салон существовал. Служебный вход нашли. Машину Александра не увидели. Поговорить, не раскрывая своего интереса, было не с кем.

Борис считал, что на этом пора заканчивать.

Туманов думал иначе.

За закрытой дверью горел свет. Значит, кто-то находился внутри. Если подождать ещё немного, этот кто-то выйдет. Можно будет установить, куда поедет, с кем встретится, что повезёт.

Пока из салона никто не выходил.

Из соседнего подъезда вынесли мусор. Это оказалось самым заметным событием за последние десять минут.

Телефон завибрировал в ладони.

— Геннадий? — ответил Туманов. — Слушаю вас.

В трубке сначала послышалось дыхание.

Потом голос:

— Аркадий… Извините, как вас по отчеству?

Туманов посмотрел на напарника.

— Сергеевич. Что случилось?

— У меня здесь вопрос возник. По находке.

Голос был тихий, с паузами в неожиданных местах.

Туманов выпрямился.

— К вам опять приехали?

— Я не дома сейчас.

Кулеш повернул голову.

Туманов включил громкую связь и показал ему ладонью: тихо.

— Где вы находитесь?

На другом конце что-то негромко стукнуло.

Геннадий ответил не сразу.

— С людьми разговариваю. Которые считают, что вещь их. Тут спор из-за находки.

Кулеш потянулся к блокноту.

Туманов положил телефон на колени.

— Кто с вами? Александр?

— Нет. Другие.

— Вы туда сами приехали?

Пауза.

Слишком длинная.

Потом Геннадий произнёс:

— Мне нужно с этим разобраться и домой.

Туманов перестал смотреть на витрину.

— Геннадий, вам дают уйти?

В кабинете Шершень медленно поднял глаза.

Телефон лежал на столе, экраном к Геннадию. Между аппаратом и его ладонью оставалось не больше двадцати сантиметров.

Роман слушал, не двигаясь.

У двери стоял тот самый мужчина, который держал Геннадия в машине.

Теперь он положил ладонь на ручку, хотя выходить не собирался.

Геннадий посмотрел на него, потом на Шершня.

— Сейчас договоримся, и я уйду, — сказал он.

Шершень едва заметно кивнул.

Из динамика донеслось:

— Передайте телефон тому, кто с вами разговаривает.

Роман придвинул аппарат.

— Уже слышу.

Он говорил совсем иначе, чем с Геннадием.

Без пауз.

Без вопросов, ответ на которые был заранее известен.

Словно на другом конце находился человек, с которым наконец можно обсуждать дело.

— Представьтесь, — сказал Туманов.

— Роман.

— Фамилия?

— Давай сначала по вещи. Она у тебя?

Кулеш записал имя и поднял глаза на напарника.

Туманов смотрел в тёмное стекло салона, где отражалась их машина.

В груди возникло знакомое возбуждение.

До сих пор он держал в руках только чужую находку и два набора паспортных данных.

Теперь ему звонили.

Сами.

Значит, вышел правильно.

— Предмет находится у нас, — ответил он.

— Где именно?

— Сохранность обеспечена.

Шершень чуть наклонил голову.

— Я не про сохранность спрашиваю.

— А я не намерен обсуждать место хранения с человеком, который даже фамилию не назвал.

В кабинете стало тихо.

Геннадий смотрел на телефон с ужасом.

Ему хотелось объяснить Туманову, что так не надо.

Не нужно говорить этим голосом.

Здесь никто не сдастся потому, что вопрос задан уверенно.

Шершень, однако, не рассердился.

Откинулся в кресле и провёл пальцем по краю стола.

— Хорошо. Значит, вещь у вас. Мне нужно её забрать.

— На каком основании?

— На том, что она моя.

— Документы на право собственности готовы представить?

Роман коротко посмотрел на Геннадия.

Взгляд был почти обвиняющий.

Опять документы.

Будто они заранее условились задавать один и тот же вопрос.

— Ты сейчас на службе разговариваешь? — спросил он.

Туманов почувствовал, как напрягся Кулеш.

— Я на службе.

— Тогда должен понимать, что чужое у себя долго держать нельзя.

— Должны понимать и вы: найденный предмет не передают по звонку.

Шершень помолчал.

Потом произнёс:

— Мне твои правила сейчас неинтересны. У меня товар ушёл. Люди пропали. Вместо решения я слушаю про бумажки.

Кулеш подчеркнул что-то в блокноте.

Туманов перевёл на него глаза.

Сержант показал запись:

«Товар. Люди пропали».

Туманов кивнул.

Вслух сказал:

— Кто именно пропал?

Шершень усмехнулся.

— Ты мне вопросами не отвечай. Скажи, как забрать.

В машине на секунду установилось полное молчание.

Туманову вспомнились занятия, которые он проходил ещё до нынешней службы. Маленькая душная аудитория, проектор с тусклой лампой, преподаватель, заставлявший разыгрывать разговоры с возбуждёнными гражданами.

Сначала выслушать.

Не спорить с эмоциями.

Выяснить действительную потребность.

Предложить условия.

Тогда Туманову казалось, что всё это слишком долго. Проще сразу объяснить человеку, почему он неправ.

Теперь услышанное вдруг обрело практический смысл.

— Вам нужен предмет, — сказал он.

Кулеш медленно повернулся.

На лице у него появилось выражение, которое Туманов предпочёл не замечать.

— Мне он и нужен, — ответил Шершень. — Ты только сейчас понял?

— Я хочу понять, кто намерен его получить.

— Лично приеду. Устроит?

Туманов прикрыл ладонью микрофон и нажал отключение звука.

Кулеш сразу наклонился к нему.

— Докладываем.

— Подожди.

— Он говорит «товар», удерживает человека и фамилию не называет. Чего ещё ждать?

— Геннадий сказал, что сейчас уйдёт.

— А что он должен был сказать при нём?

Туманов посмотрел на экран.

Разговор продолжался.

Время шло.

На другом конце терпение тоже было не бесконечным.

— Нужно установить, кто это и где Геннадий. Если сейчас оборвём, потеряем.

— Никто не предлагает обрывать. Я передам дежурному.

Кулеш потянулся к рации.

Туманов положил ладонь на его рукав.

— Дай мне закончить. Сначала пусть Геннадий выйдет.

Борис посмотрел на руку.

Туманов убрал её.

— Слышишь? — спросил он. — Пусть выйдет. Это сейчас главное.

Кулеш не ответил сразу.

Потом положил рацию обратно, но блокнот не закрыл.

Туманов включил микрофон.

— Личная встреча возможна, — сказал он. — С подтверждением того, что вы представляете законного владельца. И сначала я хочу убедиться, что Геннадий свободен.

В кабинете Шершень посмотрел на пленника.

Тот сидел бледный, сгорбившись, прижимая локоть к боку.

— Да никто его не держит, — произнёс Роман.

Геннадий не поднял головы.

— Тогда пусть возвращается домой, — сказал Туманов.

— Вернётся.

— Самостоятельно.

Шершень усмехнулся.

Теперь разговор начал нравиться ему ещё меньше.

Полицейский говорил не как человек, удивлённый происходящим.

Он выставлял условия.

Не спрашивал, откуда яйцо. Не возмущался словом «товар». Не требовал немедленно сообщить адрес.

Обозначал порядок.

Сначала водитель.

Потом встреча.

Потом вещь.

Роман посмотрел на Геннадия с новой настороженностью.

Значит, эта часть у них тоже была предусмотрена.

— Ты хорошо о нём заботишься, — сказал он.

— Он обратился к нам за помощью.

— Уже помогли. Вещь забрали, вопросы оставили.

Туманов сжал челюсти.

Но голос удержал ровным.

— Я не торгую предметом, Роман. Если хотите заявить о праве на него, приезжайте с документами.

— Куда?

Он собирался сказать: в отдел.

Это было бы правильно.

Ясно.

Удобно для рапорта, для хранения, для всего, что они должны были сделать ещё до поездки к салону.

Но собеседник не назвал фамилию.

Не признал связи с похищением.

И в отдел мог не приехать.

А на встречу — приехать.

Туманов посмотрел на витрину.

За стеклом стояли вещи, каждая из которых когда-то кому-то принадлежала. Законно или нет — по виду не определишь.

У него под ногами лежала одна такая.

Редкая.

Дорогая.

И, возможно, первый настоящий шанс за всё время нынешней службы.

— На месте, где не будет посторонних, — сказал он.

Кулеш закрыл глаза.

В кабинете Геннадий медленно поднял голову.

Шершень больше не улыбался.

Теперь он смотрел на телефон с деловым вниманием.

— Вот так и надо было начинать, — произнёс он.

Туманов услышал в этой фразе то, что хотел услышать: согласие на встречу.

Кулеш услышал другое.

Он толкнул напарника коленом.

Туманов не повернулся.

— Старую стоянку за крытым рынком знаете?

— Знаю.

Геннадий тоже знал.

Там несколько лет назад держали машины одной торговой фирмы. Потом фирма съехала, сторожку заколотили, а площадку иногда использовали водители грузовиков, которым негде было ждать разгрузки.

У въезда был уклон.

Один створ ворот просел.

Слева после дождя собиралась вода, и заезжать туда тяжёлой машиной следовало осторожно.

— Через час, — сказал Туманов. — Вы лично. Без группы сопровождения.

Шершень посмотрел на стоявшего у двери.

Тот не изменился в лице.

— Один я чужие вещи по ночам не забираю.

— Тогда один человек с вами. И никаких попыток давления.

— Ты мне ещё условия по одежде выставь.

Кулеш протянул руку и показал Туманову две строчки:

«Не обещай передачу».

Туманов кивнул.

— Встреча не означает, что предмет вам отдадут. Сначала выясним принадлежность.

Роман подвинул к себе сигарету.

— Вещь привезёшь?

Туманов сделал паузу.

Кулеш смотрел на него.

— Вы сначала Геннадия отпустите.

Шершень коротко усмехнулся.

— Привезёшь, значит.

— Я этого не говорил.

— А я услышал.

Роман отключил вызов.

В машине несколько секунд было слышно только вентиляцию.

Туманов смотрел на погасший экран.

Потом поднял глаза на напарника.

— Слышал?

Кулеш не ответил.

— Он приедет. И товар признаёт своим. Нужно только установить, кто за ним стоит.

Борис положил блокнот на колени.

— Он услышал, что ты привезёшь яйцо на пустую стоянку.

— Я сказал, что сначала проверим документы.

— Я слышал. Он другое услышал.

Туманов потянулся к телефону.

Потом остановился.

Разговор получился не таким, как он рассчитывал.

Но место было назначено.

Человек согласился.

Геннадия должны были отпустить.

Пока всё ещё можно было считать удачей.

— Боря, нам нужно довести его до встречи.

— Нам нужно довезти находку в отдел и доложить о звонке.

Кулеш произнёс это спокойно.

От спокойствия слова стали тяжелее.

Туманов посмотрел на серый пакет.

Сверху, под плотной внешней упаковкой, белела полоска с подписями.

Борис упаковал добросовестно.

Слишком добросовестно для вещи, которую теперь собирались везти ещё куда-то.

— Я не собираюсь отдавать её бандиту, — сказал Туманов.

— А кому собираешься?

— Никому. Я собираюсь получить сведения.

— С яйцом под мышкой?

Туманов отвернулся.

В витрине салона погасла одна лампа.

Потом ещё одна.

Кто-то внутри выключал свет.

Несколько минут назад Аркадий отдал бы многое за возможность увидеть, кто выйдет.

Теперь смотрел и не мог сосредоточиться.

Кулеш открыл папку.

Достал объяснение Геннадия.

Положил между ними.

— Он написал, что его запугивали. Ты видел руку. Потом он звонит не из дома, говорит чужими словами, а рядом другой человек требует вещь. Это уже не просто спор о находке.

Туманов посмотрел на лист.

Внизу стояла неровная подпись.

Геннадий писал медленно, с нажимом, несколько раз возвращался к словам.

Аркадий помнил.

— Я потому и сказал отпустить его.

— Проверим, что отпустили. Потом сообщаем.

Туманов не ответил.

Кулеш завёл двигатель, но с места не тронулся.

— И ещё. До встречи у нас будет время. Использовать его надо с пользой, а не на красивое начало рапорта.

Аркадий повернулся к нему.

— Я сейчас не о рапорте думаю.

Борис посмотрел на телефон в его руке.

Потом на фотографию яйца, оставшуюся на экране.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давай о человеке.

В кабинете Шершень положил аппарат на стол.

Геннадий не мог понять, что произошло.

Туманов договорился о встрече.

Не вызвал помощь.

Не попросил подать знак.

Не сказал: оставайтесь спокойны, мы знаем, где вы.

Возможно, полицейские действительно знали.

Может быть, по телефону можно установить место.

Геннадий слышал об этом в передачах и фильмах, но всегда не очень понимал, как это делается.

Он посмотрел на окно.

Никаких фар во дворе.

Никаких голосов.

Внизу снова что-то ударили молотком.

Обычная работа.

Шершень тоже посмотрел на окно.

Потом на Геннадия.

— Через час встречаемся.

Геннадий осторожно спросил:

— Мне теперь можно домой?

Роман провёл пальцем по краю телефона.

— Можно.

Слово прозвучало настолько просто, что Геннадий не сразу поверил.

Он даже не встал.

— Паспорт возьми, — сказал Шершень.

Геннадий потянулся.

Пальцы коснулись обложки.

Роман придержал её.

— Только не спеши радоваться.

Геннадий замер.

— До встречи ты у нас связной. Объяснишь своему лейтенанту, что без вещи ехать не надо. Я туда разговоры разговаривать не поеду.

— Он сказал, сначала документы…

Роман поднял глаза.

Геннадий замолчал.

— Вот поэтому с ним ещё поговоришь. Чтобы мы не тратили время.

Шершень отпустил паспорт.

Геннадий убрал его в карман и положил ладонь поверх.

Глупое движение.

Будто паспорт мог защитить.

— Он не мой, — сказал Геннадий. — Я его правда сегодня впервые…

— Я понял.

Роман произнёс это так, что стало ясно: не понял и больше слушать не собирается.

У двери зашевелился мужчина.

Геннадий услышал, как тот поправил куртку.

Наверное, сейчас выведут.

Он уже собирался встать, когда телефон Шершня зазвонил.

Роман посмотрел на экран.

Ответил.

— Что?

Слушал недолго.

Потом сказал:

— Снизу открывайте. Пусть заезжает.

Геннадий невольно повернул голову к окну.

Через несколько секунд во дворе лязгнули ворота.

Звук был знакомый.

Потом появился другой: дребезжание, которое возникало у его фургона, когда водитель слишком рано отпускал сцепление.

Геннадий встал.

Резко.

Бок тут же отозвался.

Он прижал локоть к рёбрам, но всё равно сделал шаг к окну.

Мужчина у двери двинулся навстречу.

— Куда?

— Машину мою привезли.

Роман смотрел на него с кресла.

— Сядь.

Геннадий остановился.

Во дворе заглушили двигатель.

Открылась дверь.

Хлопнула сильнее, чем следовало.

Геннадий поморщился.

Шершень заметил.

— Что опять?

— Дверь там проседает. Её не надо так…

Он замолчал.

Роман некоторое время смотрел на него.

Потом откинулся назад.

— Будешь хорошо себя вести — целой останется.

Геннадий медленно сел.

Теперь залог стоял во дворе.

Большой, белый, с названием магазина на боку.

Константин Сергеевич мог сколько угодно повторять, что машина не его, что она оформлена на фирму и ответственность никто не отменял.

Ответственность почему-то всегда оказывалась у Геннадия.

Даже когда он находил чужую вещь.

В дверь постучали.

Вошёл один из тех, кто привёз его сюда.

Положил на стол ключ с магазинным брелоком.

— Поставили у бокса.

— Внутри что? — спросил Шершень.

— Инструменты. Зеркало какое-то. Одеяло.

Геннадий поднял голову.

— Зеркало закреплено. Его не трогайте.

Мужчина посмотрел на него.
Потом на Романа.
— Ничего не трогали.
— И ящик…
— Сказал же.
Геннадий сжал губы.
Шершень взял ключ.
Повертел на пальце.
— Вот он у меня и полежит.
— Мне утром на склад.
— Значит, постараешься сегодня закончить.
Геннадий посмотрел на брелок.
Красный пластик с выцветшим названием магазина.
Вещь, которую он каждое утро находил в кармане и почти не замечал.
Теперь из-за неё приходилось оставаться на стуле.
Роман положил ключ в ящик.
Закрыл.
— Квартиру смотрели? — спросил он.
Привезший машину пожал плечами.
— Нам от неё ключей не дали.
Геннадий осторожно вдохнул.
Роман посмотрел на оставшуюся связку.
На секунду в лице мелькнуло раздражение.
Потом он подвинул ключи к Геннадию.
— Сам найдёшь бумагу. Снимок мне отправишь.
Геннадий кивнул.
Он едва удержался от того, чтобы не схватить связку слишком быстро.
Петрович остался один, но в квартиру никто не входил.
Пока никто.
— Я могу расписку полицейскому показать. Он свою подпись…
— Мне покажешь.
— Хорошо.
Шершень взял телефон Геннадия.
Открыл нужную переписку.
Проверил.
Потом положил перед ним.
— С этого номера написал. Не перепутаешь.
Геннадий узнал человека возле автомобиля на фотографии.
Того самого «хозяина».
Теперь у фотографии было лицо.
Сидело напротив.
— И объявление пока не убирай, — добавил Роман.
Геннадий посмотрел на него.
— Зачем?
Шершень чуть наклонил голову.
Вопрос повис между ними.
Геннадий понял, что ответа не будет.
Потому что ему не полагалось знать зачем.
Возможно, Роман хотел посмотреть, кто ещё напишет.

Возможно, не хотел, чтобы люди подумали, будто вещь отдали.

Геннадий больше не пытался угадать.

Он хотел выйти.

Но стоило подумать об этом, как возвращался страх: отпустят только на словах, а у лестницы снова возьмут за рукав.

Роман встал.

— Проводи его.

Мужчина у двери кивнул.

Геннадий поднялся осторожно.

Ноги затекли.

В коленях была неприятная слабость, как после температуры.

Он проверил карманы.

Паспорт.

Телефон.

Ключи от квартиры.

Ключа от машины не было.

Ладонь сама задержалась на пустом месте.

— Роман, — сказал он.

Шершень уже смотрел в свой телефон.

Поднял голову.

— В машине зеркало. Возвратное. Если его разобьют, на меня…

Мужчина у двери негромко выдохнул.

Шершень посмотрел на него, и тот сразу стал серьёзным.

— Я услышал про зеркало.

— Там ремень сверху нельзя отпускать. Оно на ребре стоит.

Роман несколько секунд молчал.

Потом произнёс:

— Ты за себя так переживай.

Геннадий кивнул.

Он и переживал.

За себя.

За машину.

За то, что никто не понимал: одно не отделялось от другого.

Если он вернётся без фургона, утром приедут в квартиру.

Если исчезнет сам, туда тоже приедут.

И те и другие будут искать не его, а то, что он должен вернуть.

Из кабинета его выпустили.

В коридоре стало прохладнее.

Тот же цветочный горшок.

Тот же календарь.

За соседней дверью звякнула ложка о стакан.

Геннадий дошёл до лестницы, держась за перила.

Теперь никто не торопил.

Сопровождающий шёл на одну ступеньку выше.

Этого хватало.

Внизу стоял работник в синей спецовке.

Сигареты уже не было.

Он снова отвёл глаза.

Геннадий прошёл мимо.

В белом фургоне во дворе отражался свет из бокса.
Машину поставили слишком близко к ржавому ограждению.
Левая дверь почти касалась металла.
Геннадий невольно замедлил шаг.
— Не туда, — сказал сопровождающий.
Он указал на длинную машину с тёмными стёклами.
Ту самую.
Геннадий остановился.
— Я сам дойду.
— Тебя довезут.
— Тут остановка недалеко…
Мужчина посмотрел на него.
Спор закончился.
Геннадий подошёл к задней двери.
На сиденье ещё виднелся влажный след от его одежды.
Он забрался внутрь.
Теперь рядом никто не сел.
Мужчина устроился впереди, возле водителя.
Но легче от этого не стало.
Задняя дверь закрылась.
Геннадий посмотрел на ручку.
Потом отвернулся.
Машина выехала со двора.
За ней снова лязгнули ворота.
Туманов перезвонил, когда они миновали первый освещённый перекрёсток.
Геннадий посмотрел на экран.
Сопровождающий обернулся.
— Кто?
— Полицейский.
— Отвечай.
Геннадий принял вызов.
— Слушаю.
— Геннадий, вы где?
Он посмотрел на затылок водителя.
На руку мужчины, лежавшую на спинке переднего сиденья.
— Домой еду.
— Вы свободны?
— Да. Меня везут.
Пауза.
Потом голос Туманова стал отчётливее:
— Вы можете говорить?
Сопровождающий смотрел прямо на него.
Геннадий сжал телефон.
— Я уже еду домой, Аркадий Сергеевич.
В машине у салона Кулеш медленно покачал головой.
Туманов не посмотрел на него.
— Хорошо. О встрече поговорим отдельно. До дома доберётесь — напишите. И никуда больше не выходите.
Геннадий чуть прикрыл глаза.

Последнюю фразу он уже слышал.

— Постараюсь.

— Не постараетесь. Останетесь в квартире.

— Хорошо.

Он закончил разговор.

Впереди негромко усмехнулись.

— Заботливый у тебя.

Геннадий убрал телефон в карман.

Больше не отвечал.

Дорога домой оказалась короче.

Или теперь он меньше замечал повороты.

Появился знакомый магазин с яркой вывеской, потом автобусная остановка, аптека на углу. Через стекло виднелись люди, которые ещё могли заниматься обычными делами.

Женщина переходила дорогу с пакетом продуктов.

Двое мужчин спорили у припаркованного такси.

Возле пекарни закрывали ставни.

Геннадий смотрел на них и пытался представить, что через несколько минут тоже станет человеком, который просто пришёл домой.

Не получалось.

Слева за мостом темнели грузовые краны.

Он узнал поворот.

Теперь знал, откуда его везут, хотя точного адреса не видел.

В телефон можно было бы записать.

Сфотографировать дорогу.

Но впереди сидел человек, которому не нужно было оборачиваться, чтобы Геннадий помнил о нём.

На следующем светофоре водитель спросил:

— Во двор?

— Раньше останови, — ответил сопровождающий.

Геннадий посмотрел в окно.

До дома оставалось меньше двухсот метров.

Машина свернула к пустому остановочному карману.

— Приехали.

Он не сразу пошевелился.

Ждал продолжения.

Дополнительных условий.

Чужой руки на плече.

Сопровождающий повернулся:

— Выходи. И телефон слышь.

Геннадий взялся за ручку.

На этот раз дверь открылась.

Холодный воздух ударил в лицо.

Он поставил ногу на асфальт, выпрямился, придерживая бок.

Мужчина опустил стекло.

— Если домой не дошёл — сам виноват.

Геннадий посмотрел на него.

Тот уже отвернулся.

Машина тронулась.

Он остался у края дороги, слушая, как стихает двигатель.

Несколько секунд не мог заставить себя идти.

В карманах лежали паспорт, ключи, телефон.

Никто не держал.

Никто не торопил.

И всё равно казалось, что стоит шагнуть не туда — снова возьмут за плечо.

Геннадий пошёл к дому.

По знакомому тротуару.

Мимо закрытой парикмахерской, где на стекле ещё висела реклама летних скидок.

Мимо лавочки с надломленной доской.

Через лужу у водостока, которую он всегда обходил слева.

Он достал телефон.

Написал Туманову:

«Почти дома».

Хотел добавить про фургон.

Про то, что его удерживают.

Про ворота и боксы.

Остановился у тёмной витрины и начал набирать.

Пальцы двигались медленно.

Текст получался длинный.

Он стёр начало, чтобы написать понятнее.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Романа:

«Расписку жду».

Геннадий смотрел на него.

Потом погасил экран.

Сначала подняться.

Запереть дверь.

Позвонить, чтобы не объяснять всё сообщениями.

Это было бы разумнее.

Он повернул во двор.

Место под деревом, где стоял фургон, пустовало.

Остался суховатый прямоугольник на асфальте, который ещё не успел полностью намокнуть после отъезда машины.

Геннадий прошёл мимо.

Ему захотелось остановиться, но он не стал.

У подъезда горела лампа.

Дверь была закрыта.

Окно кухни светилось на третьем этаже.

Всё как прежде.

Он уже достал ключ, когда у соседней машины открылась дверь.

Геннадий остановился.

Из автомобиля вышел мужчина в тёмном пальто.

Не Александр.

Не Юрий.

Этот был старше, с аккуратно подстриженными волосами и спокойным лицом. Двигался без спешки. За его спиной остался сидеть водитель.

Мужчина закрыл дверь.

— Геннадий?

Тот не ответил.

Ключ остался зажат между пальцами.
Незнакомец посмотрел на его руку, потом на то, как он держится за бок.
Выражение лица стало чуть внимательнее.
— Непростой вечер у вас.
Геннадий отступил к освещённой стене.
— Я ничего больше не отдаю. Вещь у полиции.
— Знаю.
Мужчина остановился в двух шагах.
Не загораживал подъезд.
Пока.
— Меня Эдуард Лоск зовут.
Геннадий посмотрел на тёмные окна автомобиля.
Дверь с другой стороны тихо открылась.
Лоск проследил за его взглядом.
— После разговора с Романом нам с вами есть что обсудить.

ГЛАВА VII. ВТОРОЙ СОБСТВЕННИК

Особенно убедительно о чужой собственности говорят люди, которые уже посчитали её своей.

Геннадий услышал, как с другой стороны автомобиля закрылась дверь, и отступил к стене.

Лоск проследил за его взглядом.

— Стой у машины, — сказал он, не оборачиваясь.

Человек, вышедший из салона, остановился.

Высокий, в короткой куртке. Руки пустые. Стоял так, словно ничего не делал и никуда не собирался, но между ним и подъездом оставалось совсем немного места.

Геннадий прижал ключи к ладони.

— Я больше никуда не поеду.

Лоск посмотрел на него.

— А я тебя и не зову.

Первое «вы» исчезло.

Так было проще.

Геннадий уже начал понимать, в какой момент с ним переставали обращаться как с человеком, который может отказаться.

— Вещь у полиции, — повторил он. — У меня её нет. И машины нет. Можете проверить.

— Проверили.

Лоск произнёс это спокойно.

Геннадий поднял голову.

— Что проверили?

— Что у тебя нет машины. Её Роман забрал.

Он не спрашивал.

Знал.

Геннадий посмотрел на пустое место под деревом.

Там ещё оставался тёмный прямоугольник, очерченный стоявшим фургоном.

Нужно было подняться домой.

Открыть дверь.

Запереть оба замка.

Позвонить Туманову и объяснить всё, пока он снова не решил, что Геннадий уже в безопасности.

Но Лоск стоял перед ним, а у машины ждал второй.

— Я устал, — сказал Геннадий. — Мне нужно домой.

— Мне тоже много чего нужно.

Лоск слегка повернул голову к освещённым окнам.

На втором этаже за занавеской двигался человек. Где-то наверху открыли форточку, и во двор донёсся звук работающего телевизора.

— Давай без разговоров на весь подъезд.

— Я с вами никуда не пойду.

— Слышал уже.

Лоск сделал шаг в сторону.

Проход к двери освободился.

Геннадий не двинулся.

Он понимал, что ему показывают: вот дверь, никто не держит.

И одновременно знал, что если пойдёт, Лоск пойдёт рядом.

— Ваши люди уже были, — сказал он. — Я им всё объяснил.

— Плохо объяснил.

Геннадий посмотрел ему в лицо.

Лоск выдержал взгляд, потом чуть наклонил голову.

— Или они плохо слушали. Сейчас разберёмся.

— Они меня за руку…

— Видел.

Геннадий невольно прижал локоть к боку.

Он не показывал запястье.

Рукав был опущен.

Лоск смотрел не на руку, а на то, как он стоит.

— Роман добавил? — спросил он.

— Меня в машину затолкали.

— Не первый раз у него люди торопятся.

Сказано было с таким лёгким раздражением, будто речь шла о небрежной доставке.

Геннадий почувствовал, как внутри поднимается тяжёлая злость.

Его за вечер дважды хватали, ударили, привезли в чужой двор. Потом отпустили с условием, что он поможет забрать вещь.

А теперь другой человек объяснял это чужой торопливостью.

— Я ни с кем из вас раньше не был знаком.

Лоск посмотрел на него внимательнее.

— Это мы ещё выясним.

Он вынул телефон, открыл фотографию и повернул экран.

На снимке было яйцо.

То самое.

Только без футляра, в ровном белом освещении. Голубые участки выглядели ярче, серебристый рисунок — тоньше. За предметом виднелась шкала с делениями.

Фотографию сделали для работы.

Не в серванте.

Не на кухне.

— Узнаёшь?

— Я и так знаю, что вы за ним приехали.

Лоск перелистнул.

Теперь яйцо лежало боком на мягкой ткани. Край подставки был показан крупно. Ещё на одном снимке виднелась нижняя часть, закрытая на кухонных фотографиях.

Геннадий смотрел и молчал.

Этих изображений в его объявлении не было.

Лоск понял по лицу.

— Вот теперь можно разговаривать.

— Фотографии не доказывают, что оно ваше.

Лоск убрал телефон не сразу.

Несколько секунд держал перед собой.

Потом погасил экран.

— У тебя на это отдельная привычка?

— На что?

— С каждой фразы начинать заново.

Геннадий опустил глаза на ключи.

Край одного уже вдавился в ладонь.

— Я хочу, чтобы от меня отстали.

Лоск смотрел на него.

Потом произнёс негромко:

— Для этого придётся помочь.

У подъезда хлопнула дверь.

Из дома вышел мужчина с собакой на поводке. Узнал Геннадия, кивнул, посмотрел на Лоска и пошёл к газону.

Геннадий проводил его взглядом.

Позвать?

Сказать, что рядом опасный человек?

А потом что?

Лоск не держал его.

Не угрожал прямо.

Стоял в пальто, показывал фотографии и говорил, что хочет разобраться.

С собакой уже ушли за угол.

— Мне нужно бумагу сфотографировать, — сказал Геннадий. — И полицейскому написать, что дошёл.

— Вот и поднимемся.

— Я вас не приглашал.

Лоск посмотрел на дверь.

Затем на человека у машины.

Тот не двинулся.

— Геннадий, я могу поговорить здесь. Долго. С вопросами, на которые тебе неудобно будет отвечать перед соседями.

Геннадий молчал.

— А могу спокойно посмотреть расписку, показать свои сведения и уйти. Выбирай.

Он говорил почти терпеливо.

Только выбора от этого не прибавлялось.

Геннадий открыл подъезд.

На лестнице Лоск шёл на полшага позади.

Не торопил.

Не касался.

И это всё равно ощущалось как сопровождение.

Геннадий слышал собственное дыхание и старался не слишком опираться на перила. При каждом повороте боль под рёбрами напоминала о себе.

На площадке второго этажа Лоск остановился.

Подождал, пока он поднимется ещё на две ступеньки.

Не спросил, нужна ли помощь.

Геннадий был благодарен хотя бы за это.

В квартире всё осталось так, как он оставил.

В тазу под курткой собралась вода. На тумбочке лежала квитанция. Из кухни тянуло остывшим чаем и птичьим кормом.

Петрович услышал ключ и скрипнул жердочкой.

— Гена, ну сколько можно?

Геннадий на секунду остановился в дверях.

От знакомого голоса вдруг сдавило горло.

Он пришёл домой.

По-настоящему пришёл.

Только снова не один.

Лоск вошёл следом.

Осмотрел прихожую, задержал взгляд на детской фотографии и, заметив движение Геннадия, спокойно перевёл глаза на кухню.

— Клетка там?

— Там.

— Мне про него сказали.

Геннадий повернулся.

— Что именно?

— Что разговорчивый.

Лоск снял пальто.

Геннадий не предложил вешалку.

Тот сам аккуратно перекинул его через спинку стула, который видел из коридора.

Это простое движение почему-то разозлило.

Человек устраивался.

В чужой квартире.

После того как двое его подчинённых делали здесь почти то же самое.

Геннадий прошёл на кухню и убрал ткань с клетки.

Петрович переместился на верхнюю жердочку. Посмотрел сначала на хозяина, потом на гостя.

Промолчал.

— Сегодня уже наговорился, — сказал Геннадий.

Он налил свежую воду в поилку, хотя менял её недавно.

Нужно было сделать что-нибудь обычное.

Закрепить поилку.

Поднять выпавшее зерно.

Сдвинуть кормушку.

Пока он занимался этим, Лоск стоял у стола.

Расписку увидел сразу.

Взял за край.

Геннадий выпрямился.

— Положите.

Лоск остановился.

— Я посмотреть.

— Я сам покажу.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Затем Лоск положил лист.

Очень медленно.

— Смотрю, Роман тебя не уговорил.

Геннадий вытер руки о полотенце.

— Мне уже хватило.

Он развернул расписку на столе, придерживая ладонью.

Лоск наклонился.

Прочитал описание.

Данные Туманова.

Время.

Глаза его задержались на фамилии.

— Всё-таки забрали.

— Я с самого начала это говорю.

— Говорить можно разное.

Геннадий хотел ответить.

Не стал.

Он поднял телефон и сфотографировал лист.

Первый снимок вышел смазанным.

Пришлось сделать второй.

Лоск наблюдал.

— Кому отправляешь?

— Человеку, который оставил мне эту бумагу.

Геннадий открыл переписку с Тумановым, отправил фотографию и написал:

«Дома. Расписка на месте».

Потом сохранил снимок отдельно.

Только после этого перешёл в переписку с Романом.

Тот уже успел прислать короткое:

«Ну?»

Геннадий переслал фотографию.

Лоск заметил второе движение пальцев.

— Ему тоже?

— Он потребовал.

— Машину держит?

— Да.

— За находку?

Геннадий посмотрел на него.

— Он считает, что я ему должен.

Лоск отодвинул стул.

Сел.

— Ему многие должны. Особенно те, у кого он перед этим что-нибудь забрал.

Геннадий остался стоять.

Лоск поднял глаза.

— Садись. Не на допросе.

От этой фразы захотелось выйти из кухни.

Но за дверью квартиры был подъезд. Во дворе — машина. Внизу — человек Лоска.

Геннадий сел напротив.

Между ними лежала расписка.

Он подтянул её к себе.

Лоск заметил и не стал комментировать.

— Александр с Юрием здесь были? — спросил Геннадий.

— Были.

— Почему теперь сами не приехали?

Лоск взял со стола визитку.

Посмотрел, повернул между пальцами.

— Не нужно было их присылать.

Геннадий ждал.

— Саша решил, что вопрос можно закрыть быстро. Юра привык помогать руками. Поторопились.

— Вы это так называете?

Лоск поднял голову.

Взгляд стал холоднее.

— Я называю это так, как считаю нужным. Ты мне сказал, что произошло. Я услышал.

Геннадий упёрся пятками в пол.

Опять та же граница.

Слушать можно.

Спорить нельзя.

Лоск положил визитку.

— Они больше не придут.

— Вы гарантируете?

— Я сказал: не придут.

За окном проехала машина.

Свет скользнул по потолку и исчез.

Лоск достал телефон.

Снова открыл фотографии.

На этот раз положил аппарат на стол.

— Вещь поступила к нам для работы. Клиент передал её через меня. Роман обеспечивал транспорт и людей. За отдельную оплату.

Геннадий посмотрел на снимок.

— В каком смысле людей?

— Чтобы довезти спокойно.

— Со мной они неспокойно обошлись.

— Я заметил.

Лоск перелистнул фотографию.

На экране появилось яйцо в раскрытом футляре.

Кожа выглядела той же, что Геннадий держал в руках. Даже потёртость на углу совпадала.

— Роман решил, что может оставить вещь себе, — продолжил Лоск. — Сначала поменял маршрут. Потом перестал отвечать. Потом вдруг предмет оказался у тебя.

Геннадий поднял глаза.

— Я об этом ничего не знаю.

— Ты много о чём не знаешь.

В голосе Лоска впервые появилось явное раздражение.

Геннадий не отвёл взгляда.

Тогда Лоск откинулся на спинку.

— Хорошо. Допустим. Ты случайно нашёл, не понял, что это, решил вернуть. Такое бывает.

Он произнёс последнее не как согласие, а как уступку.

Геннадий услышал разницу.

— Но после находки ты разговаривал со всеми. С моими людьми. С полицией. С Романом. Теперь у тебя больше сведений, чем ты думаешь.

— У меня больше неприятностей.

Лоск чуть наклонил голову.

— Это связанные вещи.

Геннадий посмотрел на расписку.

В официальном описании находка называлась яйцевидным предметом.

Сейчас это казалось единственными честными словами за весь вечер.

Никто не пытался объяснить, что яйцо такое на самом деле.

Зато каждый точно знал, кому оно принадлежит.

— Клиент у вас кто? — спросил он.

Лоск провёл пальцем по краю телефона.

— Коллекционер.

— Фамилия?

— Для тебя сейчас это ничего не изменит.

— Для полицейских изменит.

— Они получат всё необходимое.
— Когда?
Лоск посмотрел на него.
— Когда сядем разговаривать без Романовых фантазий.
Геннадий потёр лоб.
Вопросы опять уходили в сторону.
Только делал Лоск это аккуратнее, чем его подчинённые.
— Вы хотите, чтобы я вам поверил по фотографиям.
— А ты Роману по чему поверил?
Геннадий поднял голову.
— Я ему не поверил. Он меня увёз.
— И отпустил.
— Без машины.
Лоск ненадолго замолчал.
Затем снова посмотрел на расписку.
— Удобный залог выбрал.
Геннадий хотел возразить, но слова застряли.
Залог действительно оказался удобным.
Для всех, кроме него.
— Она магазинная, — сказал он. — И зеркало в ней возвратное. Инструмент.
— Ты уже говорил.
— Я не просто так говорю. Если машина не вернётся утром, начальник…
Лоск перебил:
— Я верну тебе машину.
Геннадий замолчал.
Слова прозвучали слишком легко.
Так легко в тот вечер обещали только то, за что потом платил кто-то другой.
— Как?
— У Романа она.
— Я знаю.
— Вот у Романа и заберу.
Геннадий посмотрел на него долго.
Потом осторожно спросил:
— Опять так же, как мои руки проверяли?
Лоск перестал двигать пальцем по столу.
На лице ничего не изменилось.
Но Геннадий понял, что попал в неприятное место.
— Не путай разговор со мной с разговором с Юрой.
Голос стал тише.
— Я пытаюсь закончить вопрос. Не усложняй.
Геннадий опустил глаза.
С больным боком сидеть приходилось немного наискось. От этого затекала спина. Он переставил стул, стараясь не шуметь.
Лоск заметил.
— Врачу покажись.
Геннадий не ответил.
Совет прозвучал почти доброжелательно.
Только от человека, из-за которого уже пришлось вызывать полицию.
Лоск открыл ещё один снимок.

На нём предмет был показан сверху, гораздо ближе.

— Это «Зимний рассвет». Вещь редкая. Если с ней что-то произойдёт, разговор о компенсации будет уже другим.

Геннадий наклонился.

На светлой эмали виднелись мелкие детали, которых он не заметил на кухне. Что-то похожее на ветки, тонкие прозрачные вставки, узкая линия, проходившая вокруг корпуса.

— Там правда механизм?

Лоск посмотрел ему в лицо.

— Правда.

— Я просто думал, шкатулка.

— Шкатулка.

Он повторил слово без насмешки.

От этого насмешка ощущалась сильнее.

Геннадий отодвинулся.

— Футляр я открыл. Само яйцо нет. Даже не пытался.

— Хорошо.

— Ваши люди почему не объяснили?

— Потому что им нужно было забрать, а не проводить экскурсию.

Лоск погасил экран.

Положил телефон возле локтя.

Разговор закончил ещё один круг.

Теперь они сидели на той же кухне, с теми же неизвестными, только чужой человек снял пальто и знал, что Геннадий вернулся от Шершня.

Петрович перебрался по жердочке.

Придвинулся к передней стенке клетки.

Лоск посмотрел на него.

— Он всегда ночью бодрствует?

— Когда гости приходят.

Лоск перевёл взгляд на Геннадия.

Тот понял, как прозвучало, уже после того, как сказал.

Несколько секунд было тихо.

Потом Петрович кашлянул дядиным кашлем.

Геннадий встал и отодвинул клетку от приоткрытой форточки.

Не хотел, чтобы птицу продуло.

Лоск следил за его руками.

За тем, как он проверил крепление дверцы.

За тем, как поднял с пола кусочек яблока.

Это было раздражающе обстоятельно.

Человек сидел без машины, после разговора с Шершнем, с чужой вещью на руках у полиции, но находил время заняться клеткой.

Лоск не верил, что так ведут себя от одной простоты.

Он привык видеть в спокойных бытовых движениях другое: человек уверен, что ещё управляет происходящим.

— Что Роман предложил? — спросил он.

Геннадий выпрямился.

— Ничего.

— Тебя просто так отпустили?

— Сказали, чтобы я полицейскому объяснил.

— Что объяснил?

— Чтобы тот вещь привёз.
Лоск не шевельнулся.
Геннадий почувствовал, как изменилось внимание.
До этого вопросы будто ходили вокруг.
Теперь попали в центр.
— Куда привёз?
Он не ответил сразу.
У него всё ещё была возможность сказать, что не знает.
Что место должны сообщить позже.
Но Лоск уже смотрел так, словно заметил ложь заранее.
— Они сами разговаривали, — произнёс Геннадий. — По моему телефону.
— Слышал.
— Роман номер набрал. Я сначала сказал, потом он.
— И договорились.
Геннадий кивнул.
Лоск чуть подался вперёд.
— Где?
Геннадий посмотрел на телефон.
На имя Туманова в списке недавних вызовов.
Он мог сейчас набрать.
Сказать: здесь ещё один.
Спросить, что делать.
Но тогда Лоск либо уйдёт и вернётся с другими, либо останется и услышит весь разговор.
Вечер уже показал, насколько мало значат слова «дождитесь дома».
Лоск наблюдал за ним.
— Ты сейчас думаешь, кому первому позвонить?
— Я думаю, как сделать, чтобы больше никто никого не бил.
Лоск на секунду отвёл глаза.
Потом вернулся к нему.
— Для этого нужно, чтобы вещь оказалась у законного владельца.
— У вас?
— Через меня.
— Тогда привезите документы. Полицейские посмотрят, Роман тоже. И машину вернут.
Геннадий произнёс это медленно.
Впервые за долгое время в происходящем появился порядок.
Не очень надёжный.
Но хотя бы понятный.
Все говорят, что правы.
Значит, пусть придут в одно место и объяснят при свидетелях.
С документами.
Без закрытых кабинетов и отдельных поездок.
Лоск смотрел на него с непроницаемым лицом.
— Ты хочешь собрать всех?
— Я никого не собираю. Вы сами ко мне приехали.
— А Роман?
— И он сам.
Лоск некоторое время молчал.
Геннадий вдруг испугался, что сказал лишнее.
Затем Лоск взял телефон.

Открыл заметки.

— Где встреча?

— Вы бумаги привезёте?

Лоск медленно поднял глаза.

— Я сказал: привезу.

— И без Александра с Юрием.

Услышав это, Лоск перестал смотреть в экран.

Впервые Геннадий увидел в его лице что-то похожее на настоящее удивление.

Не потому, что просьба была странной.

Потому, что ему выставили условие.

— Их не будет, — сказал он наконец.

Геннадий облизнул пересохшие губы.

— И людей много не надо.

Лоск молчал.

В квартире щёлкнул холодильник.

Петрович наклонил голову.

Геннадий почувствовал, что ещё немного — и он начнёт объяснять, почему просит, оправдываться, соглашаться на другое.

Он сжал пальцы на колене и промолчал.

Лоск убрал телефон.

— Мне хватает одного человека, когда со мной нормально разговаривают.

Ответ не был обещанием.

Геннадий это понял.

Но другого не получил.

— Старая стоянка за крытым рынком, — сказал он.

Лоск не записал.

Место знал.

— Когда?

Геннадий сообщил время, отсчитанное от звонка Туманова. Лоск попросил прислать место и время сообщением: не хотел потом выяснять, кто что расслышал. Геннадий открыл их переписку и отправил две короткие строки.

Лоск посмотрел на часы.

Потом на окно.

До встречи оставалось не так много.

— Вещь привезут?

— Я не знаю. Роман требует, полицейский говорит сначала документы.

— Понятно.

— Вы только…

Геннадий остановился.

Лоск ждал.

— Не надо там снова силой. Приедут сотрудники, всё посмотрят.

— Я услышал.

Он поднялся.

Геннадий тоже встал, опираясь на край стола.

От облегчения на секунду закружилась голова.

Не потому, что всё решилось.

Потому, что человек собирался уйти.

Лоск взял пальто.

Потом задержался в коридоре у фотографии.

Геннадий увидел, куда он смотрит, и шагнул ближе.
Лоск повернул голову.
— Дома завтра будь.
— Мне на работу.
— Сначала закончим сегодня.
Он надел пальто.
Проверил карман.
Геннадий открыл дверь.
С площадки потянуло холодом и влажной штукатуркой.
В этот момент телефон Лоска завибрировал.
Он ответил, не отходя.
— Да.
Слушал несколько секунд.
Потом посмотрел на Геннадия.
— Не трогай. Поднимусь… Нет, я спускаюсь.
Он убрал аппарат.
— У тебя во дворе ещё посетитель.
Геннадий вцепился в край двери.
— Кто?
— Сейчас узнаем.
Он не хотел снова выходить.
Всё в нём сопротивлялось: лестница, темнота, машина, чужая ладонь на шее.
Лоск заметил.
— Ты останься.
И пошёл вниз.
Геннадий закрыл дверь, но не запер.
Остался у глазка, чувствуя себя глупо: увидеть через него можно было только площадку.
Внизу хлопнула дверь подъезда.
Потом донёсся голос.
Слов не разобрать.
Геннадий отошёл к окну.
Во дворе рядом с машиной Лоска стояли трое.
Один — сам Лоск.
Второй — его человек.
Третий был знаком.
Геннадий узнал его по куртке и по тому, как держал плечи.
Тот сидел впереди, когда его везли от Шершня.
Машина, значит, не уехала далеко.
Человек Лоска держал его у раскрытой двери автомобиля, не давая отступить. Не бил. Просто поставил предплечье поперёк груди и прижимал ткань куртки к краю двери.
Со стороны можно было подумать, что мужчины спорят из-за парковки.
Геннадий уже знал, насколько обманчиво это выглядит.
Он приоткрыл форточку.
— Я бумагу отправил! — крикнул вниз.
Все трое подняли головы.
Голос у него дрогнул, и последние слова вышли слишком громкими.
В соседнем окне шевельнулась занавеска.
Человек Шершня посмотрел на него.
Потом на Лоска.

Тот что-то сказал своему.
Предплечье убрали.
Освободившийся мужчина резко одёрнул куртку.
Несколько секунд стоял, переводя взгляд с окна на людей перед собой.
Потом достал телефон.
Геннадий отступил от подоконника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.